

Позволь мне солгать

Автор:

Клер Макинтош

Позволь мне солгать

Клер Макинтош

Анне всегда казалось, что она хорошо знает своих родителей. Но внезапно Том и Кэролайн покончили жизнь самоубийством. Однажды Анна получает записку: в ней некто неизвестный намекает, что на самом деле ее родителей убили. А свидетельница, видевшая прыгающего с обрыва Тома, отказывается от своих показаний. Кто и зачем заставил ее сделать это? Однажды на пороге дома Анны появляется... ее мать Кэролайн. Она убеждает девушку, что инсценировка самоубийства была необходимым шагом для спасения их бизнеса. Кэролайн утверждает, что Анна ничего не знает о том, кем на самом деле был ее отец... Но что скрывает сама Кэролайн? Какая правда спрятана в этой лжи?

Клер Макинтош

Позволь мне солгать

Clare Mackintosh

Let Me Lie

Все персонажи и события в этом произведении, за исключением исторических, являются вымышленными, все совпадения с реальными людьми, живыми или покойными, случайны.

© Clare Mackintosh, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

* * *

Робу за все-все-все

Трое способны хранить тайну, если двое из них мертвы.

Бенджамин Франклин

Часть I

Глава 1

Смерть мне не к лицу. Я ношу ее, как чужое пальто, оно соскальзывает с плеч и волочится по грязи. Смерть мне не по размеру. Мне неудобно в ней.

Я хочу стряхнуть ее, зашвырнуть в шкаф и вернуть мои былые наряды, они сидели на мне как влитые. Я не хотела бросать старую жизнь, но теперь надеюсь на новую – надеюсь, что когда-то и я буду прекрасна и полна сил. А пока что я заперта.

В разрыве между жизнями.

В лимбе[1 - Лимб (лат. limbus – рубеж, край) – в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)].

Говорят, неожиданные расставания легче. Меньше боли. Но это не так. Мера боли от долгих прощаний при затянувшейся болезни куда лучше, чем ужас угасшей неожиданно-негаданно жизни. Ужас насильственной смерти. В день, когда я умерла, я шла по туго натянутому канату между двумя мирами, шла без страховки, все поддерживавшее меня изорвалось в клочья. С одной стороны пропасти – безопасность, с другой – беда.

Я сделала шаг.

И – умерла.

Помнишь, мы, бывало, шутили о смерти? Тогда мы были так молоды, так полны жизни... Казалось, что смерть – это то, что случается с другими.

– Как думаешь, кто из нас умрет первым? – спросил ты однажды. Уже наступила ночь, вино закончилось, мы грелись у электрической печки на моей съемной квартире в Бэлхеме, и твоя рука, словно невзначай ласкавшая мое бедро, смягчила те слова.

– Ты конечно, – не раздумывая ответила я.

И ты замахнулся на меня подушкой.

Мы встречались уже месяц, наслаждались телами друг друга и говорили о будущем, словно оно было чужим. Ни клятв, ни обещаний – только поле возможностей.

– Женщины живут дольше, – ухмыльнулась я. – Широко известный факт. Такова генетика – выживает наиболее приспособленный. Вот мужчины и не справляются.

Ты нахмурился. Опустил ладони на мои щеки, заставил меня взглянуть на тебя. Твои глаза казались черными в полумраке, и свет печи отражался в твоих зрачках.

- Так и есть, - сказал наконец. Я потянулась поцеловать тебя, но ты не отпускал. Твой палец на моем подбородке, кожа к коже... - Не знаю, что бы я делал, если бы что-то случилось с тобой.

От печки веяло жаром, но по спине у меня побежал холодок. Словно кто-то прошел по моей могиле.

- Перестань.

- Если ты умрешь, я тоже умру, - не умолкал ты.

Я остановила тебя в твоём юношеском стремлении драматизировать, стряхнула твои руки, высвободила лицо, но затем переплела свои пальцы с твоими, чтобы этот жест не обидел тебя. И поцеловала - вначале нежно, затем со все нарастающей страстью, пока ты не откинулся на спину и я легла на тебя. Волосы мои пеленой скрывали наши лица.

Ты умер бы ради меня.

Тогда наши отношения только начинались, то была искра - она могла погаснуть или разгореться ярким пламенем. Я не знала, не могла знать, что ты разлюбишь меня. Что я разлюблю тебя. Мне были так приятны глубина твоих чувств, исступление во взгляде.

Ты умер бы ради меня, и в тот миг мне казалось, что и я умерла бы ради тебя.

Я просто никогда не думала, что умереть кому-то из нас все-таки придется.

Анна

Элле уже два месяца. Глазки закрыты, длинные темные ресницы почти касаются розовых щечек, подрагивают, пока она ест. Растопыренные пальчики на моей груди – как морская звезда. Я сижу на диване как приклеенная и думаю обо всем, что могла бы сделать, пока кормлю Эллу. Почитать. Посмотреть телевизор. Заказать продукты по интернету.

Не сегодня.

Сегодня не день для таких привычных дел.

Я смотрю на доченьку, и вскоре ее ресницы поднимаются – какой серьезный и какой доверчивый у нее взгляд! Зрачки голубых глаз – озерца бескорыстной любви, мое отражение в них – крошечное, но незыблемое.

Движения Эллы замедляются. Мы смотрим друг на друга, и я думаю, что материнство – величайшая тайна, ведь никакие книги, никакие фильмы или советы не могут приготовить тебя к этому всепоглощающему чувству: для крошечного человечка ты – целый мир. И этот человечек для тебя – целый мир. Я храню эту тайну, ни с кем ею не делюсь, да и с кем бы я поделилась? Меньше десяти лет прошло с тех пор, как мы закончили школу, а все мои подруги тратят время на парней, не на детей.

Элла все еще смотрит на меня, но постепенно ее взгляд подергивается пеленой, словно предутренний туман клубится в ее глазах. Веки опускаются, взметаются вновь, но дремота берет свое. Ее посасывание – всегда такое жадное вначале, затем спокойное, мерное – замедляется, между глотками проходит пара секунд. Затем малышка останавливается. Она спит.

Я поднимаю руку и осторожно нажимаю пальцем на грудь, высвобождая сосок изо рта Эллы, затем надеваю лифчик. Губы Эллы еще двигаются какое-то время, но потом сон становится все крепче, и ее рот замирает, сложившись в идеально округлую «О».

Надо уложить ее. Воспользоваться временем, пока она спит. Сколько его будет? Десять минут? Час? Мы еще далеки от того, чтобы в нашей жизни установился какой-то распорядок.

«Распорядок». Ключевое слово для любой молодой мамы, единственная тема для разговора на утренних встречах, где мамы младенцев делятся друг с другом опытом. На эти встречи меня заставляет ходить наша патронажная медсестра, и я не очень-то этому рада: «Она подолгу спит? Знаешь, ты бы попробовала метод контролируемого плача. Джину Форд читала?»

Я киваю, улыбаюсь, говорю: «Да, непременно попробую» – и стараюсь подойти к какой-нибудь другой молодой маме. К кому-то другому, не столь непреклонному. Мне плевать на распорядок. Я не хочу, чтобы Элла разрывалась от плача, пока я сижу за столом и пишу на своей страничке в «Фейсбуке» пост о «кошмаре материнства».

Ужасно плакать оттого, что мама не приходит. Не нужно Элле такое переживать.

Она ворочается во сне, и вечный комок в моем горле словно раздувается. Когда малышка не спит, все видят, что она – моя доченька. Когда друзья говорят, как она похожа на меня или Марка, я этого не замечаю. Я смотрю на Эллу – и вижу Эллу. Но когда она спит... когда она спит, я вижу свою маму. Под пухлыми младенческими щечками проступают знакомые черты нижней части лица в форме сердца, и по линии роста ее волос я понимаю, что в грядущие годы моя дочь будет проводить часы перед зеркалом, пытаясь укротить дерзкую прядку, растущую под другим углом – не так, как все остальные.

Видят ли младенцы сны? Что может сниться им? Они ведь так мало знают о мире. Я завидую спящей Элле, и не только потому, что такой усталости, как сейчас, я не ощущала никогда до того, как родила ребенка. Я завидую ей, ведь когда она спит, ей не снятся кошмары. В своих снах я вижу то, о чем не могу знать. Вижу версии случившегося, описанные в полицейских отчетах и выводах судмедэксперта. Вижу раздутые, обезображенные водой лица своих родителей. Вижу страх в их чертах, когда они падают со скалы. Слышу их крики.

Иногда бессознательное милостиво ко мне. Не всегда в пространстве моих сновидений родители падают, временами они летят. Я вижу, как они делают шаг в бездну, разводят руки и парят над синим морем, а брызги волн ласкают их

смеющиеся лица. Тогда я просыпаюсь спокойно, и улыбка играет на моих губах, пока я не открываю глаза и не понимаю, что с тех пор, как я провалилась в сон, ничего не изменилось.

Девятнадцать месяцев назад мой отец взял машину – самую новую и дорогую, – выехал на ней со двора собственного автосалона, за десять минут добрался от Истборна до мыса Бичи-Хед, оставил машину на стоянке, не закрыв дверь, и пошел на край скалы. По пути он собрал камни, чтобы тяжесть утащила его на дно. А затем, когда прилив набрал полную силу, сбросился с обрыва.

Я знаю все эти факты, потому что мне дважды пришлось слушать подробные объяснения судмедэксперта. И в первый, и во второй раз мы сидели с дядей Билли, слушая отчет об обеих неудачных спасательных операциях береговой охраны, и, хотя судмедэксперт был предельно тактичен, от деталей дела становилось только больнее. Я смотрела себе под ноги, пока давали показания специалисты по приливам и статистике выживаемости, пока сообщали данные по уровню смертности. И зажмурилась, когда судмедэксперт зачитал вывод: причина смерти – самоубийство.

Семь месяцев спустя, не справившись с горем, мать последовала за ним, столь точно воспроизведя обстоятельства его смерти, что в местной газете написали о «подражании самоубийству». Смерти моих родителей разделяло семь месяцев, но они были связаны, а потому расследования объединили в одно дело и судебное решение вынесли на одной неделе. За те два дня я многое узнала, но ничего из услышанного не было действительно важным.

Я так и не выяснила, почему они сделали это. Если считать, что они вообще так поступили.

Факты казались неоспоримыми. Вот только родители не были склонны к самоубийству. Они не страдали от депрессии, тревоги и страха. Они были не из тех людей, кто легко отказывается от жизни.

– Проблемы с психикой не всегда очевидны, – говорит Марк, когда я поднимаю эту тему, и в его голосе нет ни намёка на раздражение оттого, что разговор ходит по кругу. – Самые сильные, самые жизнерадостные, казалось бы, люди могут страдать от депрессии.

За последний год я научилась держать свои мысли при себе, молчать о сомнениях, кроющихся под покровом моей скорби. Никто, кроме меня, не сомневается. Никому не кажется странным случившееся.

Впрочем, никто и не знал моих родителей настолько хорошо, как я.

Тишину прерывает телефонный звонок. Я жду, пока включится автоответчик, но звонивший не оставляет сообщения, и через мгновение у меня в кармане вибрирует мобильный. Даже не взглянув на экран, я знаю, что это Марк.

– Затаилась у спящей малышки, да?

– Как ты догадался?

– Как она?

– Ест каждые полчаса. Я все пытаюсь приготовить обед, да вот, никак руки не доходят.

– Ничего, я сам приготовлю, когда вернусь. Ты в порядке? – Что-то неуловимо меняется в его голосе, никто другой бы этого не заметил. Но я слышу подтекст в его интонации: «Ты в порядке, учитывая, какой сегодня день?»

– Нормально.

– Я могу пойти домой.

– Все в порядке, правда.

Марку определенно не хотелось бы уходить с семинара, не доведя дело до конца. Он коллекционирует сертификаты, как другие люди собирают подставки под бокалы или заграничные монеты. У него уже столько званий, что все эти аббревиатуры не помещаются на визитке – через каждые пару месяцев он заказывает себе новые карточки, и наименее важные звания теряют свое место в конце списка и забываются. Сейчас он посещает семинар на тему «Роль сочувствия в отношениях психотерапевта и пациента». На самом деле ему этот семинар не нужен, его умение сочувствовать клиенту было очевидным для меня

с самых первых минут, когда я перешагнула порог его кабинета.

Марк дал мне выплакаться. Протянул мне упаковку салфеток, сказал не торопиться. Говорить только тогда, когда я буду готова, не раньше. А когда я перестала рыдать, но все еще не могла подобрать подходящие слова, он рассказал мне о стадиях скорби – отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие, – и я поняла, что еще не прошла первую стадию.

Через четыре сеанса Марк, вздохнув, сообщил, что больше не может работать со мной, и, когда я спросила, что я сделала не так, он сказал, что возник конфликт интересов и ему очень жаль, ведь это так непрофессионально, но, быть может, я согласилась бы принять его приглашение на ужин?

Он был старше меня – по возрасту ближе к моей маме, чем ко мне, – и казался человеком необычайно решительным, хотя эта решимость и контрастировала с волнением, иногда видимым за его маской спокойствия, как в тот момент.

– С удовольствием, – не раздумывая откликнулась я.

Потом он говорил мне, что скорее чувствовал себя виноватым в том, что прервал наши сеансы, чем в нарушении профессиональной этики, запрещавшей вступать в отношения с пациентами. «Но я уже не твоя пациентка», – возразила я тогда.

Марк до сих пор переживает по этому поводу. Я напоминаю ему, что люди знакомятся в разнообразнейших ситуациях. Мои родители встретились в одном лондонском ночном клубе, его родители – в отделе замороженных продуктов в супермаркете «Маркс-энд-Спенсер». А мы с ним познакомились на восьмом этаже здания в Патни, в кабинете с обитыми кожей креслами, и мягкими шерстяными покрывалами, и табличкой на двери: «Марк Хеммингс, психотерапевт. Прием только по записи».

– Как скажешь. Поцелуй за меня Эллу.

– Пока.

Я первой сбрасываю звонок. Знаю, сейчас Марк прижимает к губам телефон, как и всегда, когда он погружается в раздумья. Ему пришлось выйти в коридор,

чтобы позвонить мне, и ради этого он пожертвовал кофе, или общением с коллегами, или чем там занимаются тридцать психотерапевтов, когда их отпускают на перерыв во время семинара. Сейчас он присоединится к остальным, и я не смогу связаться с ним в ближайшие пару часов, пока он будет учиться демонстрировать сочувствие клиенту, даже если речь идет о совершенно надуманной проблеме. Необоснованной тревоге. Пустяшной утрате.

Он хотел бы поработать над моими проблемами. Но я ему не разрешаю. Я перестала ходить к психотерапевту, когда поняла, что никакие разговоры в мире не вернут мне родителей. В какой-то момент все мы доходим до того этапа, когда боль, которую ты ощущаешь, это просто грусть. А от грусти нет лекарства.

Скорбь – сложное явление. Она подступает и отступает, она столь многогранна, что от любых попыток проанализировать это состояние у меня начинает болеть голова. Я могу не плакать несколько дней, а потом задыхаться от рыданий, сотрясающих тело. В какой-то момент я могу посмеяться с дядей Билли над глупостью, когда-то сказанной папой, а уже в следующий меня будет переполнять гнев от эгоистичности его поступка.

Гнев – худшее во всем этом. Раскаленная добела ярость – и вина, неизбежно приходящая следом.

Почему они так поступили?

Я миллион раз прокручивала в голове события дней, предшествовавших папиной смерти, задавалась вопросом, что я могла сделать иначе, чтобы предотвратить это.

«Твой отец пропал».

Помню, я нахмурилась, читая эту эсэмэску и раздумывая, в чем тут шутка. Вообще-то я жила с родителями, но в те дни уехала на конференцию в Оксфорд и как раз болтала за завтраком с коллегой из Лондона. Прервав разговор, я отошла и позвонила маме:

– В каком смысле «пропал»?

Мама говорила сбивчиво, слова давались ей через силу, будто она с трудом припоминала их значение. Вчера вечером они с папой поссорились. Папа ушел в паб. Пока что ничего необычного. Я давно смирилась с вечными дрызгами в отношениях моих родителей, со всеми этими скандалами, угасавшими столь же быстро, как и разгоравшимися. Вот только на этот раз папа не вернулся домой.

– Я думала, он остался ночевать у Билла, – сказала мама, – но, когда я пришла на работу, оказалось, что Билл его не видел. Я тут уже извелась вся, Анна!

Я сразу же уехала с конференции. Не потому, что волновалась за папу. Нет, я волновалась за маму. Они тщательно скрывали от меня причины своих скандалов, но я часто замечала, что они в ссоре. Папа исчезал – уходил на работу, поиграть в гольф или выпить пива в пабе. Мама пряталась дома, притворяясь, что не плакала.

К тому моменту как я приехала домой, все уже закончилось. На кухне у нас сидели полицейские, сжимая в руках фуражки. Маму так трясло, что им пришлось вызвать скорую, чтобы не допустить состояния шока. Дядя Билли застыл, бледный от горя. Лора, мамина крестница, подавала чай, забыв добавить туда молоко. И никто из нас этого не заметил.

Я прочла папину эсэмэску:

«Я больше так не могу. Мир станет лучше без меня».

– Ваш отец взял машину на работе.

Полицейский был папиного возраста, и тогда я, помню, подумала, есть ли у него дети. И воспринимают ли они его присутствие в своей жизни как что-то само собой разумеющееся...

– На вчерашних записях с камер наблюдения видно, как эта машина едет в сторону мыса Бичи-Хед поздно вечером.

Мама сдавленно вскрикнула. Я наблюдала, как Лора обняла ее, пытаюсь успокоить, но сама я не могла пошевелиться. Я словно окаменела. Мне не хотелось слышать слова полицейского, но я все равно была вынуждена слушать.

– Около десяти часов утра в полицию поступил звонок. – Констебль Пикетт сверился со своими записями. Наверное, ему просто легче было смотреть в блокнот, чем на нас. – Женщина сообщила, что видела, как какой-то мужчина собрал в рюкзак камни, положил на краю обрыва бумажник и телефон и спрыгнул с края скалы.

– Почему же она не попыталась остановить его? – Я не собиралась кричать, так вышло. Дядя Билли опустил мне руку на плечо, но я лишь отмахнулась от него и повернулась к остальным. – Она просто смотрела, как он прыгает?

– Все произошло очень быстро. Звонившая нам женщина была очень расстроена, как вы понимаете. – Констебль Пикетт осознал, что неудачно выразился, но было уже слишком поздно.

– Она, значит, была расстроена? А как, по ее мнению, себя чувствовал папа? – Я оглянулась в поисках поддержки на лицах близких, а затем вновь уставилась на полицейских. – Вы ее допросили?

– Анна... – прошептала Лора.

– Откуда вы знаете, что это не она его толкнула?

– Анна, это ничем не поможет.

Я уже готова была огрызнуться на нее, но тут увидела маму, тихо плакавшую в объятиях Лоры, и желание устроить скандал улетучилось само собой. Мне было больно, но маме – еще больнее. Я прошла по комнате, опустилась перед ней на колени, прижалась щекой к ее руке и почувствовала влагу на лице еще до того, как поняла, что плачу. Мои родители провели вместе двадцать шесть лет. Они жили вместе, работали вместе и, невзирая на периодические взлеты и падения в отношениях, любили друг друга.

Констебль Пикетт кашлянул.

– Описание совпало с данными мистера Джонсона. Мы прибыли на место в течение нескольких минут. Машину обнаружили на парковке Бичи-Хед, а на краю скалы мы нашли вот это. – Он указал на лежащий на столе прозрачный пластиковый пакет для улики.

Я увидела в пакете папин мобильный и коричневый кожаный бумажник. Мне вдруг вспомнилась шуточка дяди Билли о том, что у папы в карманах гнездится моль, и на мгновение мне показалось, что я рассмеюсь. Но вместо этого разрыдалась – и проплакала три дня.

Правая рука, которой я удерживала Эллу, занемела, и я осторожно высвобождаю ее, шевеля пальцами и чувствуя покалывание, пока кровообращение восстанавливается. Мне вдруг становится беспокойно на душе, и я отстраняюсь от спящей Эллы (моим недавно обретенным навыкам бесшумного перемещения позавидовал бы иной морской пехотинец) и баррикадирую малышку на диване подушками. Встав, я потягиваюсь, разгоняя оцепенение от долгого сидения.

Мой отец никогда не страдал от депрессии или тревожных расстройств.

«Но разве он сказал бы тебе, даже если бы чувствовал что-то подобное?» – увещевала меня Лора.

Мы сидели на кухне – Лора, мама и я. Полиция, соседи, все разошлись, оставив нас, онемевших от горя, на кухне с бутылкой вина, горчившего на языке. Лора была права, хотя я и не хотела этого признавать. Папа был из тех мужчин, которые верят, что разговоры о «чувствах» могут превратить их в «баб».

Какими бы ни были причины его поступка, папино самоубийство стало для нас полной неожиданностью и повергло в пучину скорби.

Марк – как и его преемник, к которому я обратилась потом, – советовал мне проработать гнев, вызванный смертью отца. Я же цеплялась за слова судмедэксперта: «не находясь в здравом уме».

«Не в здравом уме».

Эти четыре слова помогли мне разделять человека и его поступок; помогли понять, что папа покончил с собой вовсе не для того, чтобы причинить боль тем, кого он оставил. Напротив, судя по его прощальному сообщению, он искренне верил, что мы будем счастливее в его отсутствие. Но это было совсем не так.

С тем, что случилось потом, мне было смириться куда сложнее, чем с папиным самоубийством. Гораздо тяжелее мне было понять, почему – после испытанной ею самой боли утраты близкого человека, покончившего с собой, после всех тех месяцев, когда она видела, как я плачу по любимому папочке, – моя мать сознательно заставила меня еще раз пережить весь этот ужас.

Кровь шумит у меня в ушах, жужжит, словно бьющаяся о стекло оса. Я иду на кухню, залпом выпиваю стакан воды, опираюсь ладонями на гранитную столешницу, склоняюсь над мойкой. Я точно слышу маму, слышу, как она что-то напевает во время мытья посуды, слышу, как она пилит папу: «Хоть бы раз в жизни за собой убрал». Вижу, как взматывается над столом облачко муки, когда я вымешиваю тесто в маминой тяжелой глиняной миске, вижу мамины ладони на моих руках – мы вместе лепим пирожки. И потом, когда я вернулась домой жить, – как мы по очереди стоим у плиты на кухне, готовя вместе ужин. Папа сидел в кабинете или смотрел телевизор в гостиной. А мы, женщины, проводили время на кухне – потому что мы сами так решили, а не из-за каких-то там традиций. И болтали, пока готовили.

Именно на кухне я чувствовала наибольшую близость к маме. И именно тут мне сейчас больше всего ее не хватает.

Это случилось ровно год назад.

«Скорбящая вдова принимает решение покончить с собой», – писали в «Лондон гзет». «Священник призывает СМИ ограничить распространение информации об обстоятельствах самоубийства», – с таким несколько ироничным заголовком вышла статья в «Гардиан».

– Ты знала, – шепчу я, понимая, что человек в здравом уме не станет разговаривать сам с собой, но я просто больше не могу сдерживаться. – Ты знала, какую боль причинишь мне, и все равно так поступила.

Нужно было послушаться Марка и запланировать что-то на сегодня. Как-то развеяться. Я могла бы сходить к Лоре. Или выбратся на обед в ресторан. Пройтись по магазинам. Заняться чем угодно, только бы не бродить по дому, не пережевывать те же мысли, не зацикливаться на годовщине маминой смерти. Нет никаких причин тому, что сегодня мне должно быть хуже, чем в какой-либо другой день. Сегодня мама не более мертва, чем вчера, не более мертва, чем будет завтра.

И все же...

Я глубоко вздыхаю и пытаюсь как-то отвлечься. Ставлю стакан в мойку и неодобрительно цокаю языком, будто от выражения моего отношения вслух что-то изменится. Нужно сходить с Эллой в парк. Мы прогуляемся, уьем время, по дороге обратно я куплю что-нибудь на ужин, а там и Марк вернется, и сегодняшний день почти закончится. Такая внезапность решения – знакомая мне уловка, но она работает. Боль в сердце ослабевает, наворачивающиеся на глаза слезы отступают.

«Играй роль, пока роль не станет тобой», – часто говорит Лора. «Одевайтесь для той работы, которую вы хотите иметь, а не для той, которую имеете», – еще одно ее любимое высказывание.

Она применяет этот принцип в своей профессии (нужно тщательно прислушиваться, чтобы понять, что ее аристократический говор – результат упорного обучения, а вовсе не естественная речь), но он распространяется и на другие сферы жизни. Притворись, что у тебя все в порядке, и будешь чувствовать себя в порядке. И вскоре все действительно будет в порядке.

Над последним я все еще работаю.

Я слышу тихое гуление – значит, Элла проснулась. Почти дойдя до конца коридора, замечаю, что что-то торчит в почтовой щели в двери. Письмо либо принесли в частном порядке, либо оно застряло там, когда почтальон разносил почту, – как бы то ни было, сегодня утром, когда я подбирала письма с коврика под щелью, я его не заметила.

Это открытка. Еще две я получила утром – от школьных друзей, которые стараются держаться подальше от таких переживаний, как горе утраты. Тем не

менее я была тронута количеством людей, которые помнят подобные даты. На годовщину папиной смерти кто-то оставил у меня на пороге блюдо с запеканкой и короткую записку:

«Съешь холодным или разогретым. Я думаю о тебе».

Я до сих пор не знаю, кто его принес. Многие письма с соболезнованиями, приходившие после смерти родителей, содержали истории о знакомстве при покупке машины. Истории о том, как мои мама и папа вручали ключи от нового автомобиля самоуверенным подросткам или заботливым родителям. Как меняли двухместные спортивные машины на семейные автомобили. Как советовали, какую машину выбрать в подарок в честь получения новой должности, юбилея, выхода на пенсию. Мои родители сыграли свою роль во множестве чьих-то жизненных историй.

Адрес напечатан на полоске липкой бумаги, размазанный почтовый штемпель в правом верхнем углу напоминает чернильную кляксу. Открытка большая и дорогая, мне приходится доставать ее из конверта.

Я смотрю на изображение.

Яркие цвета танцуют на обложке – на фоне куста кричаще-алых роз с переплетенными стеблями и сочными зелеными листьями соприкасаются два бокала с шампанским.

«Счастливой годовщины!»

Я содрогаюсь, будто меня ударили в живот. Это что, шутка такая? Ошибка? Какой-то благожелательно настроенный, но глупый знакомый, неудачно выбравший открытку? Я заглядываю внутрь.

Сообщение напечатано. Буквы вырезаны из какой-то дешевой газетенки и наклеены на внутреннюю сторону открытки.

Это не ошибка.

Руки у меня трясутся, перед глазами все плывет, жужжание бьющейся о стекло осы кажется громче. Я читаю текст еще раз:

«Самоубийство? Едва ли».

Глава 3

Я не хотела уходить вот так. Всегда думала, что умру иначе.

Представляя себе свою смерть, я видела комнату с задернутыми шторами. Нашу спальню. Под спиной у меня грудa подушек, кто-то подносит к моим губам стакан воды, ведь руки у меня слишком ослабели, чтобы самой удержать его. Морфий помогает справляться с болью. Гости заходят ко мне по одному, чтобы попрощаться. Глаза у тебя покраснели, но ты держишься стоически, ты выслушиваешь их добрые слова, а я постепенно проваливаюсь в сон.

И однажды утром просто не просыпаюсь.

Бывало, я шутила, что в следующей жизни хочу родиться псом.

А выяснилось, что никому не дано выбирать.

Берешь то, что дают, подходит тебе это или нет. И оказываешься такой же женщиной, только старше и уродливее. Либо так, либо вообще никак.

Так странно без тебя...

Двадцать шесть лет, мы прожили вместе двадцать шесть лет. И почти все эти годы – в браке. И в горе, и в радости. Ты был тогда во фраке, а я – в подвенечном платье с высокой талией, скрывавшей уже округлившийся на пятом месяце живот. Мы начали новую жизнь вместе.

Теперь же я одна. Мне одиноко. И страшно. Нелегко остаться в тени жизни, которую когда-то проживал напропалую.

Все вышло совсем не так, как я ожидала.

А теперь еще и это.

«Самоубийство? Едва ли».

Подписи нет. Анна не узнает, кто это прислал.

А я знаю. Я провела весь последний год, ожидая, когда же это случится, обманываясь тем, что молчание означает безопасность.

А это не так.

Я вижу надежду на лице Анны, эта открытка сулит ей ответы на вопросы, не дающие ей спать по ночам. Я знаю нашу дочь. Она ни за что бы не поверила, что мы с тобой по собственной воле спрыгнули с того обрыва.

Она права.

И я с болезненной ясностью вижу, что случится дальше. Анна пойдет в полицию. Потребуется возобновления расследования. Она будет бороться за правду, не зная, что правда лишь таит иную ложь. И опасность.

«Самоубийство? Едва ли».

О чем не знаешь, то тебя не тревожит. Мне нужно удержать Анну от похода в полицию. Мне нужно не позволить ей выяснить правду о случившемся, иначе она пострадает.

Я думала, что в тот день, когда поехала на Бичи-Хед, я распрощалась с былой жизнью, но, видимо, ошибалась.

Придется сделать это.

Придется вернуться.

Глава 4

Анна

Я звоню Марку. Оставляю сообщение об открытке, понимаю, что я несу какую-то чушь, останавливаюсь и пытаюсь еще раз все объяснить. «Перезвони мне, как только сможешь», – говорю я в конце сообщения.

«Самоубийство? Едва ли».

Смысл предельно ясен.

Мою мать убили.

По затылку у меня по-прежнему бегают мурашки, и я медленно оглядываюсь, осматривая лестницу, открытые двери с двух сторон коридора, окна от пола до потолка. Никого. Конечно, тут никого нет. Но открытка так расшатала меня, будто кто-то вломился ко мне в дом и всучил мне ее прямо в руки, и уже кажется, будто мы с Эллой тут не одни.

Я прячу открытку обратно в конверт. Нужно убираться отсюда.

– Рита! – зову я.

На кухне слышится какой-то шорох, когтистые лапки цокают по паркету. Риту мы взяли из собачьего приюта, в ней есть примесь крови кипрского пуделя, но заметны черты и множества других пород. Рыжая шерстка падает ей на глаза, с мордочки свисают длинные усики, а летом, после стрижки, на спине у нее проступают белоснежные полосы. Она с энтузиазмом лижет мне руку.

– Пойдем гулять.

Рита не из тех, кого приходится долго упрашивать. Она несется ко входной двери и нетерпеливо оглядывается на меня. Коляска стоит в коридоре под лестницей, и я прячу анонимную открытку в корзинку под дном, не забыв набросить сверху плед, словно это как-то изменит тот факт, что сообщение все еще там. Затем я беру на руки Эллу – малышка уже начинает капризничать.

«Самоубийство? Едва ли».

Я так и знала. Я всегда это знала. Моя мама была очень сильной женщиной – хотела бы я унаследовать хоть десятую долю ее силы, да и ее решимости я всегда завидовала. Мама никогда не сдавалась. И не отказалась бы от собственной жизни.

Элла тянется к моей груди, но времени на это у нас нет. Я больше ни минуты не хочу оставаться в доме.

– Давай пойдем прогуляемся, свежим воздухом подышим, ладошки?

Я подбираю на кухне пакет для прогулки, проверяю, ничего ли я не забыла – салфетки, подгузники, пеленки, – и запихиваю в сумку вместе с ключами. Обычно к этому моменту Элла пачкает подгузник или срыгивает молоко и приходится ее переодевать. Я внимательно принохиваюсь, но с малышкой все в порядке.

– Ну что, пойдем!

От входной двери вниз на гравиевую дорожку, протянувшуюся от дома к мостовой, с крыльца ведут три каменные ступени – и каждая чуть пообтерлась посередине, где все эти годы по ним спускались и поднимались. В детстве я часто спрыгивала на дорожку с верхней ступени. Время шло, я подрастала и в какой-то момент уже допрыгивала с крыльца до асфальтированной парковки перед домом: помню, мама повторяла мне: «Эй, осторожнее!» – а я ловко приземлялась на асфальт и вскидывала руки, словно ожидая аплодисментов.

Прижимая Элли к груди, я спускаю со ступеней коляску, а затем укладываю малышку, кутая ее в одеяло. В последние дни на улице очень похолодало, иней серебрится на тротуаре, ледяная корка на гравии похрустывает у меня под ногами.

– Анна!

Сосед, Роберт Дрейк, стоит по ту сторону черной ограды, отделяющей наш двор от его участка. Дома у нас одинаковые, трехэтажные, в георгианском стиле, с садом на вытянутом заднем дворике и узкой кромкой свободного пространства, обрамляющей дом по бокам и впереди. Мои родители переехали в Истборн в 1992 году, когда мое неожиданное появление заставило их отказаться от привычного лондонского досуга и подтолкнуло к жизни в браке. Дом этот купил еще мой ныне уже покойный дедушка, в двух кварталах от места, где прошло папино детство, причем заплатил он наличными («Только так можно заставить людей прислушаться к тебе, Энни!»), и, полагаю, недвижимость обошлась ему куда дешевле, чем Роберту, который приобрел свой дом пятнадцатью годами позже.

– Я как раз о вас вспоминал, – говорит Роберт. – Сегодня тот самый день, да? – Он сочувственно улыбается, склонив голову к плечу.

Этим жестом он напоминает мне Риту, вот только у Риты взгляд доверчивый и добрый, а у Роберта...

– Я имею в виду твою маму, – добавляет он, словно я могла его не понять. В его голосе слышится недовольство, как если бы мне следовало поблагодарить его за сострадание.

Роберт – хирург, и, хотя он всегда относился к нам исключительно доброжелательно, меня часто настораживал его взгляд – пристальный, оценивающий, будто я его пациентка на операционном столе. Он живет один, иногда его проводят племянницы и племянники, но Роберт говорит о них с равнодушием человека, который никогда не имел, да и не собирался заводить детей.

Я завязываю поводок Риты на ручке коляски.

– Да. Сегодня. Спасибо, что вспомнили.

– В годовщину всегда нелегко.

Я больше не могу выслушивать все эти избитые фразы.

– Я, собственно, собиралась прогуляться с Эллой.

Похоже, Роберт и сам не прочь сменить тему. Он заглядывает за забор.

– Как она выросла, да?

Элла так укутана в одеяло, что едва ли он мог это заметить, но я соглашаюсь и зачем-то рассказываю ему о том, с какой скоростью она набирает вес в последнее время, – хотя, наверное, эти подробности все же излишни для него.

– Отлично! Молодчинка. Ну что ж, не буду вас задерживать.

Парковка тянется на всю ширину дома, но машины на ней можно выставить только в один ряд. Железные ворота – ни разу на моей памяти они не закрывались – распахнуты. Я прощаюсь, минуя ограждение и выхожу на тротуар, толкая перед собой коляску. Через дорогу раскинулся парк, заросший, с переплетенными ветвями деревьев и табличками на лужайках, запрещающими топтать траву. Мои родители по очереди перед сном выгуливали здесь Риту, и она тянет меня в сторону парка, но я дергаю за поводок и толкаю коляску по улице к центру города. В конце квартала я сворачиваю направо и, оглядываясь на Дубовую усадьбу, замечаю, что Роберт все еще стоит на крыльце. Он отворачивается и скрывается в доме.

Мы следуем по Честнат-авеню, где припорошенные инеем заборчики окаймляют дома с двумя подъездами, лавровые деревья у входов перевиты рождественскими гирляндами, мигают белые огоньки. Пару этих огромных домов на улице перестроили, чтобы в них можно было арендовать отдельные квартиры, но в большинстве своем они так и остались особняками – широкие входные двери не изуродованы рядами звонков и почтовых ящиков. В эркерных окнах виднеются рождественские елки, и за стеклом я мельком замечаю происходящее в комнатах: в первом доме мальчишка-подросток развалился на

диване, во втором носятся туда-сюда маленькие дети, с восторгом предвкушая праздник, в шестом пожилая пара сидит рядом, читая газеты.

Дверь восьмого дома открыта, в коридоре, выкрашенном в серый, стоит женщина лет сорока, опустив ладонь на ручку двери. Я киваю ей в знак приветствия. Хотя она и машет рукой, ее улыбка адресована беззлобно препирающейся троице у машины перед домом – ее родные пытаются выгрузить из автомобиля елку.

– Осторожно, уронишь!

– Левее, левее забирай! Дверцу не задень!

Девчушка-подросток заливается смехом, ее нескладеха-брат ухмыляется.

– Придется через забор тащить...

И папа, руководящий всем действием. Подхватывающий елку. Гордящийся своими детьми.

На секунду мне становится так больно, что я едва могу дышать. Я жмурюсь. Мне так не хватает родителей, я ощущаю эту утрату в разное время и при разных обстоятельствах, которые я даже предвидеть не могла. Если бы все было как два года назад, это мы с папой вытаскивали бы рождественскую елку из машины, а мама стояла бы в дверном проеме и подтрунивала над нами. И в доме у нас было бы полно шоколадных конфет, и выпивки, и достаточно еды, чтобы насытить пять тысяч человек. Лора пришла бы с ворохом подарков (даже если в этот период она только приступила к новой работе) или со словами «с меня причитается» и извинениями (если она только что уволилась). Папа с дядей Билли пререкались бы о какой-то ерунде, а потом подбрасывали бы монетку, чтобы уладить спор. А мама, расчувствовавшись, включила бы рождественские песни на плеере.

Марк иногда говорит, что я идеализирую прошлое и нужно отказаться от розовых очков, но едва ли я единственный человек, который предпочитает помнить только хорошее. И, даже если отбросить розовые очки, после смерти родителей моя жизнь изменилась навсегда.

«Самоубийство? Едва ли».

Нет, не самоубийство. Убийство!

Кто-то украл мою жизнь. Кто-то убил маму. А если маму убили, значит, и папа не покончил с собой. Моих родителей убили.

Я судорожно хватаюсь за ручку коляски, словно волна вины вот-вот собьет меня с ног, вины за все те месяцы, когда я злилась на родителей, думая, что они предпочли самый простой выход, поставили себя выше проблем тех людей, которых они бросали. Может, я зря злилась на них? Может, они бросили меня не по своей воле...

Магазин автомобилей находится на углу Виктория-роуд и Мейн-стрит – залитый светом маяк, отмечающий точку, где заканчивается ряд лавок и парикмахерских и начинаются жилые многоэтажки и частные дома на окраине. Раскачивавшаяся на ветру вывеска, которую я помню по временам детства, давно исчезла, и бог его знает, что подумал бы дедушка об айпадах под мышками у продавцов или огромном плоском экране с рекламой скидок этой недели.

Я пересекаю демонстрационный зал, маневрируя с коляской между глянцево поблескивающим «мерседесом» и потрепанным «вольво». Застекленные двери бесшумно разъезжаются, когда мы подбираемся ближе, из магазина веет заманчивым теплом. Из роскошных динамиков льется рождественская музыка. За столиком, где раньше сидела мама, работает за компьютером хорошенькая девушка с карамельной кожей, мелированными в тон волосами и акриловыми ногтями. Она улыбается мне, и я вижу блеск наклеенного на зуб страза. Едва ли ее стиль мог бы еще сильнее отличаться от маминого. Может быть, именно поэтому дядя Билли и нанял эту девушку, ему нелегко день за днем приходиться на работу, где все оставалось по-прежнему, хотя все уже стало иначе. Как у меня дома. Как и в моей жизни.

– Энни!

Дядя Билли всегда называет меня Энни, а не Анна. Он папин брат и, можно сказать, стереотипный «убежденный холостяк». У него есть парочка подруг, но дяде хватает пятничного свидания в ресторане или поездок в лондонский театр.

Зато в первую среду месяца он неизменно встречается со своими друзьями поиграть в покер. Иногда я предлагаю дяде Билли привести к нам свою очередную Беверли, или Диану, или Ширли в гости на ужин. Но он всегда отвечает одинаково: «Я так не думаю, Энни, солнышко».

Его свидания никогда не приводят к серьезным отношениям. Ужин так и остается ужином, предложение пропустить по стаканчику не повторяется, и, хотя дядя всегда снимает самый роскошный номер в отеле, когда проводит вечер в Лондоне, осыпая свою новую избранницу подарками, могут пройти месяцы, прежде чем они увидятся вновь.

«Почему ты всегда стараешься держать их всех на расстоянии?» – как-то не удержалась я, выпив лишку нашего фирменного семейного джин-тоника.

Билли подмигнул мне, но ответил серьезно: «Потому что так никто не пострадает».

Я обнимаю дядю и вдыхаю знакомый запах табака, лосьона после бритья и чего-то неразличимого, родного, отчего мне хочется уткнуться носом в его джемпер. Он пахнет как дедушка. И как папа. Как все мужчины из семейства Джонсонов. Теперь остался только Билли.

Я отстраняюсь. И решаю сразу выложить ему все без обиняков.

– Мама и папа не покончили с собой.

На лице дяди Билли отражается безграничное терпение. Мы уже не раз говорили на эту тему.

– Ох, Энни...

Только теперь кое-что изменилось.

– Их убили, – добавляю.

Он молча смотрит на меня, тревожно вглядывается в мое лицо и провожает меня в свой кабинет, подальше от клиентов. Я устраиваюсь в дорогом кожаном кресле, стоящем здесь сколько я себя помню.

«Скупой платит дважды», – вспоминается папина фраза.

Рита плюхается рядом, а я смотрю на свои ноги, вспоминая, как когда-то они едва доходили до края сиденья, а потом постепенно вытянулись до самого пола.

Когда-то и я пробовала поработать здесь.

Мне было пятнадцать, и родители мечтали, чтобы когда-нибудь я присоединилась к семейному делу. Правда, довольно быстро оказалось, что я едва ли смогла бы продать воду в Сахаре. Вот у папы определенно был к этому талант. Как говорится, такой и лед эскимосам продаст. Бывало, я наблюдала за тем, как он присматривается к клиентам – «дорогие мои потенциальные покупатели», так он их называл. Папа обращал внимание на то, в какой машине клиент приехал, какую одежду носит, и в зависимости от этого подбирал к каждому свой подход, словно у него в голове был какой-то список возможных стратегий продажи. При этом он всегда оставался собой – тот же самый Том Джонсон, – но интонации его немного менялись, и он заводил разговор о том, что клиенту было близко, например, утверждал, что всегда болел за «Уотфорд», обожал музыку The Cure и из всех пород больше всего любил лабрадоров... Со стороны можно было подметить момент, когда связь с клиентом оказывалась налажена, тот момент, когда покупатель решал, что он с продавцом на одной волне. Что этому Тому Джонсону можно доверять.

Я так не умела. Во время стажировки я пыталась подражать папе, пыталась работать с мамой, улыбаться клиентам, как она, спрашивать их о детях, но все это казалось неискренним, и я сама это чувствовала.

«По-моему, наша Энни не создана для продаж», – тактично заметил Билли, когда моя стажировка подошла к концу. И все согласились с ним.

Забавно, но в итоге именно продажами мне и пришлось заниматься. В конце концов, благотворительность к этому и сводится: нужно уметь продать желание – желание платить ежемесячные взносы, спонсировать детей, вписывать благотворительность в завещание. Продать чувство вины тем, у кого есть

возможность помочь. Я пошла работать в организацию «Спасем детей»[2 - Save the Children (англ.) – международная благотворительная организация, занимающаяся защитой прав детей по всему миру. (Примеч. пер.)] сразу после выпуска из университета и никогда не казалась себе неискренней в этой роли. Оказывается, для того чтобы продавать автомобили, мне просто не хватало энтузиазма.

На Билли синий костюм в тонкую полоску, а красные носки и подтяжки придают ему вид как у нувориша с Уолл-стрит, но я знаю, что так и задумывалось. Дядя не привык полагаться на обстоятельства. На любом другом такой кричащий наряд смотрелся бы безвкусно, но Билли он к лицу – даже невзирая на то, что подтяжки слегка топорщатся у него на животе. Он носит эту одежду не без толики иронии, она придает ему скорее трогательный, чем вычурный вид. Он всего на два года младше папы, но волосы ничуть не поредели, а если на висках и пробивается седина, то дядя успешно ее скрывает. Билли гордится своей внешностью не меньше, чем умением продавать автомобили.

– В чем дело, Энни? – мягко говорит он, в точности как в детстве, когда я разбивала коленку или ссорилась с подружками во дворе. – Тяжелый день? Я сегодня тоже сам не свой. Честно говоря, поскорее бы он закончился. Годовщины, да? Всегда навевают воспоминания...

За всей его напускной бесцеремонностью кроется ранимость, и я обещаю себе, что буду проводить с ним больше времени. Раньше я постоянно околачивалась в магазине, но после смерти мамы и папы всегда нахожу какие-нибудь отговорки, чтобы не приходить сюда, даже перед самой собой: я слишком занята, Элла еще слишком маленькая, погода какая-то не такая... На самом деле – мне больно находиться здесь. Но это несправедливо.

– Приходи к нам ужинать завтра вечером.

Билли колеблется.

– Ну пожалуйста!

– Конечно. С удовольствием.

Из кабинета Билли в демонстрационный зал ведет огромное окно с односторонним стеклом, и я вижу, как снаружи продавец пожимает руку покупателю, а затем косится в нашу сторону, надеясь, что начальник видел его успех. Билли одобрительно кивает, мысленно делая себе пометку не забыть выплатить этому сотруднику премию. Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь разгадать его мысли.

Продажи тогда застопорились. Папа был движущей силой всего предприятия, и его смерть потрясла дядю Билли. А потом и мама ушла, и настало время, когда мне казалось, что Билли не выдержит.

Я только узнала о том, что беременна, и пришла в магазин повидаться с дядей Билли, когда обнаружила, что тут полный беспорядок. В кабинете никого не было, на столиках перед кабинетом, где клиенты обычно ждали подписания сделки, валялись пустые пластиковые стаканы из-под кофе, в демонстрационном зале среди машин бродили какие-то клиенты, но никто к ним не подходил. В приемной Кевин, новый продавец, совсем еще мальчишка с копной рыжих волос, опирался на стол, флиртуя с секретаршей, девчонкой, которую наняли всего на неделю после Рождества.

– А где Билли?

– Он не пришел на работу. – Кевин пожал плечами.

– И вы не подумали ему позвонить?

Подъезжая к дому Билли, я старалась не обращать внимания на нарастающую в груди панику. Он решил устроить себе выходной, вот и все. Он вовсе не пропал без вести. Он не поступил бы так со мной.

Я нажала на кнопку звонка, затем замолотила в дверь кулаками. Моя рука уже тянулась к сумке с телефоном, а в голове складывались слова, знакомые по делу моих родителей, – «опасения по поводу здоровья и благополучия», – когда Билли открыл дверь.

Белки его глаз испещряла тонкая сеточка красных капилляров, рубашка нараспашку, пиджак измят настолько, что сразу стало ясно: Билли в нем спал. От него разило алкоголем, но я надеялась, что это просто следы похмелья.

- Кто занимается магазином, дядя Билли?

Он уставился мне за плечо, глядя, как пожилая пара медленно вышагивает по тротуару, толкая перед собой коляску для продуктов.

- Я не могу. Не могу там находиться.

Я почувствовала, как во мне вспыхнуло возмущение. Неужели он думает, что мне никогда не хотелось сдать? Неужели он думает, что только ему нелегко?

В доме царил настоящий хаос. Стеклянную столешницу кофейного столика в гостиной покрывал слой липкой грязи, на кухне громоздилась немытая посуда, в холодильнике хоть шаром покати - одна полупустая бутылка белого вина. В отсутствии нормальной еды не было, в общем-то, ничего необычного: дядя Билли считал ужины в ресторанах неотъемлемым преимуществом холостяцкой жизни. Но в доме не оказалось ни молока, ни хлеба - ничего.

Я едва скрыла потрясение. Сложила посуду в мойку, протерла столы и собрала разбросанную на полу в коридоре почту.

- Хорошая девочка Энни... - Дядя устало улыбнулся.

- С грязным бельем сам будешь разбираться - я не собираюсь стирать твои подштанники.

К этому времени мой гнев уже прошел. Билли не виноват в том, что случилось. Никто не виноват.

- Не сердись. - Он пристыженно поднял на меня взгляд.

- Я все понимаю. - Я обняла его. - Но тебе нужно вернуться на работу, Билли. Ребята в магазине совсем еще дети.

- А смысл? Вчера зашло всего шесть человек, да и те – просто поглазеть.

- «Даже те, кто просто заходит поглазеть, на самом деле хотят купить машину, просто еще не знают об этом», – произнесла я любимую папину фразу, и к горлу у меня подступил ком.

- Он так гордился тобой! – Билли сжал мою руку.

- Тойбой он тоже гордился. Гордился тем, чего вам вдвоем удалось достичь. – Я помолчала. – Не подведи его.

Билли вернулся в магазин во второй половине дня, устроил Кевину головомойку и пообещал бутылку шампанского продавцу, который первым заключит сделку. Конечно, для того чтобы заставить магазин «Машины Джонсонов» приносить прибыль, шампанского мало, но Билли хотя бы вернулся в строй.

Это папа установил тут зеркало Гезелла[3 - Стекло, выглядящее как зеркало с одной стороны и как затемненное стекло – с другой.], через пару недель после того, как дедушка вышел на пенсию и сыновья, поставив рядом два стола, перебрались в кабинет.

«Так они все время будут начеку».

«Да, а еще так они не заметят, что вы тут дрыхнете в рабочее время». – Мама всегда знала, что у Джонсонов на уме. Всегда.

Билли внимательно смотрит на меня.

- Я думал, этот твой тип сегодня возьмет выходной.

- Его зовут Марк. Не называй его «этот твой тип», пожалуйста. Мне бы хотелось, чтобы ты дал ему шанс.

- Так и будет, как только он поступит с тобой как с порядочной женщиной.

- Мы же не в пятидесятые годы живем, Билли.

- Как он мог бросить тебя одну в такой день!

- Он хотел остаться дома. Я сказала, что со мной все в порядке.

- Оно и видно.

- Так и было. Пока я не получила вот это.

Я достаю открытку из коляски Эллы и протягиваю Билли.

Смотрю, как он достает поздравление, как читает текст, приклеенный внутри... Через некоторое время он прячет открытку обратно в конверт. Желваки играют у него на щеках.

- Больные ублюдки.

Я не успеваю его остановить, и он рвет открытку на две половинки, потом еще на две.

- Что ты творишь?! - Я вскакиваю с кресла и подхватываю обрывки открытки. - Нам нужно отнести это в полицию.

- Полицию?

- «Едва ли». Это важно! Отправивший эту открытку намекает, что маму столкнули с обрыва. Может, папу тоже.

- Энни, солнышко, мы с тобой сотню раз об этом говорили. Ты ведь не всерьез говоришь, что твоих родителей убили?

- Я так думаю. - У меня дрожат губы, и мне приходится перевести дух, чтобы взять себя в руки. - Именно так я и думаю. Я всегда считала, что что-то тут не сходится. Всегда думала, что ни папа, ни мама не могли покончить с собой, особенно мама, она ведь знала, как на нас сказалась папина смерть. А теперь...

– Кто-то подливает масла в огонь, Энни! Какой-то больной ублюдок, которому кажется забавным читать некрологи, а потом издеваться над скорбящими семьями. Как те подонки, просматривающие объявления о похоронах, чтобы выбрать удачное время для ограбления. Наверное, этот урод разослал с десятков таких открыток.

Я знаю, что дядя злится на того, кто прислал мне это сообщение, но мне кажется, что его гнев направлен на меня. Я встаю.

– Это еще одна причина обратиться в полицию, – добавляю я. – Там сумеют выяснить, кто это прислал. – Я словно оправдываюсь, но на самом деле готова разрыдаться.

– В этой семье никогда не обращались в полицию. Мы сами решали свои проблемы.

– Проблемы? – Я не понимаю, почему Билли ведет себя настолько глупо. Разве он не понимает, что это все меняет? – Это не проблема, Билли. Не какой-то спор, который можно уладить, набив кому-то морду во дворе паба. Речь может идти об убийстве. И мне есть дело до того, что случилось с моей мамой, даже если тебе плевать.

Я не успеваю прикусить язык. Билли отворачивается, но я замечаю боль на его лице. Некоторое время я беспомощно стою посреди комнаты, глядя на его затылок и пытаюсь сказать «прости», но из меня не вырывается ни слова.

Я выталкиваю коляску Эллы из кабинета, оставляя дверь распахнутой. Если Билли мне не поможет, я сама пойду в полицию.

Кто-то убил моих родителей, и я намерена выяснить, кто это сделал.

Глава 5

Мюррей

Мюррей Маккензи забросил пакетик чая в пластиковый стаканчик.

– Молока? – Открыв холодильник, он украдкой принюхался к молоку и остановил свой выбор на последней из трех упаковок, чтобы ненароком не отравить «гражданина в беде».

Анна Джонсон явно была в беде. Глаза у нее оставались сухими, но Мюррей ощущал, как его гнетет неприятное подозрение, что девушка вот-вот разрыдается. А он не любил слез. Никогда не знал, следует ли ему делать вид, будто он их не замечает, или же, наоборот, обратить на это внимание. А главное – можно ли в наши дни политкорректности предлагать женщине носовой платок.

Но, услышав тихий всхлип (предвестник грядущих рыданий, как он полагал), Маккензи решил, что, если у миссис Джонсон не окажется носового платка, он придет к ней на помощь, и к черту политкорректность. Сам он носовыми платками не пользовался, но всегда носил с собой один про запас, в точности как его отец, как раз для таких случаев. Мюррей похлопал себя по карману, проверяя, на месте ли платок, но, когда повернулся, чуть не расплескав чай из стаканчика, с облегчением понял, что всхлип доносился из коляски, – это младенец собирался расплакаться, а вовсе не миссис Джонсон.

Правда, его облегчению не суждено было длиться долго – Анна Джонсон привычным жестом достала ребенка из коляски, положила себе на колени, приподняла свитер и принялась кормить его грудью. Маккензи почувствовал, как краснеет, отчего вспыхнул еще сильнее. В целом он не возражал против кормления грудью на публике, просто не знал, куда смотреть, пока это происходит. Однажды он улыбнулся молодой маме в кафе над супермаркетом «Маркс-энд-Спенсер» – чтобы поддержать ее, как он полагал, – но женщина возмущенно уставилась на него и поспешно прикрыла грудь, будто он был каким-то извращенцем.

Итак, Маккензи сфокусировал взгляд в точке над левой бровью миссис Джонсон и осторожно опустил на стол чай, будто подавал его в чашке из китайского фарфора.

– Печенье, к сожалению, закончилось.

– Чая будет вполне достаточно, благодарю вас.

Со временем Мюррею становилось все сложнее и сложнее определять возраст других людей, любой младше сорока казался ему совсем молодым, но Анне Джонсон явно еще и тридцати не было.

Она была привлекательной молодой женщиной, светло-каштановые волосы слегка кудрявились и подрагивали на ее плечах, когда она крутила головой. Лицо бледное, со следами недавнего материнства – в точности как у сестры Мюррея, когда его племянники были еще совсем маленькими.

Они сидели в полицейском участке в Лоуэр-Мидс, в маленькой кухоньке, оборудованной чуть дальше стойки дежурного. Тут Маккензи и его коллеги могли отдыхать во время обеденного перерыва, поглядывая, не вошел ли кто в приемную. Вообще-то гражданским лицам запрещалось находиться по эту сторону стойки, но в участке никого не было, могло пройти еще несколько часов, прежде чем кто-то явится сообщить о пропавшей собаке или чтобы расписаться о явке в полицию в назначенный день. Мюррей и так достаточно времени проводил наедине с собственными мыслями дома, так что на работе ему не хотелось мириться с тишиной.

Едва ли в захолустный полицейский участок так далеко от центральной штаб-квартиры явится кто-то в чине выше сержанта, поэтому Маккензи решил пренебречь правилами и провел миссис Джонсон в «святая святых». Не нужно быть детективом, чтобы понимать: трехфутовая пластмассовая стойка отнюдь не располагает к тому, чтобы свидетель расслабился. Правда, миссис Джонсон и так едва ли расслабится, учитывая причину ее визита.

– Я думаю, что мою мать убили, – заявила она, когда пришла.

Девушка смотрела на Мюррея с вызовом, будто он собирался опровергнуть ее показания. Маккензи ощутил прилив адреналина. Убийство. Кто сегодня дежурит из детективов-инспекторов? Ох... Робинсон. Да уж, непросто будет отчитываться этому самонадеянному молокососу, который и пяти минут над настоящим делом не работал. Но затем Анна Джонсон объяснила ему, что ее мать погибла год назад и судмедэксперт, собственно, уже объявил причиной смерти самоубийство. Именно в этот момент Мюррей и открыл дверцу сбоку от стойки и впустил миссис Джонсон на кухню. Он подозревал, что разговор

затянется. За девушкой в кухню вошла ее собака, ничуть не смущаясь непривычной обстановки.

И вот теперь Анна Джонсон неловким движением протянула руку и достала из коляски какие-то бумажки. Футболка у нее чуть приподнялась, обнажая тонкую полоску кожи на животе, и Маккензи, закашлявшись, сконфуженно уставился в пол, раздумывая, сколько еще она будет кормить младенца.

- Сегодня годовщина смерти моей матери.

Девушка говорила очень громко, с нажимом, и Мюррей предположил, что так она пытается сдержать эмоции. От этого ее голос казался удивительно бесстрастным, никак не вязавшимся с болью в глазах.

- И вот это пришло по почте. - Она протянула Мюррею бумажки.

- Секунду, я надену перчатки.

- Отпечатки пальцев! Я не подумала... я уничтожила улику?

- Давайте вначале посмотрим, с чем мы имеем дело, миссис Джонсон, ладно?

- Мисс, собственно. Можете звать меня Анна.

- Анна, - кивнул Маккензи. - Итак, посмотрим, что тут у вас.

Маккензи вернулся на свое место и натянул латексные перчатки. Привычный жест немного успокоил его. Положив пакет для улик на стол, он осмотрел бумагу. Это была открытка, грубо разорванная на четыре части.

- Ее прислали не в таком виде. Мой дядя... - Анна поколебалась. - Я думаю, он расстроился.

- Брат вашей матери?

– Моего отца. Его зовут Билли Джонсон. Может, слышали о магазине «Машины Джонсонов» на Мейн-стрит?

– Так это магазин вашего дяди?

Именно там Маккензи когда-то купил свой «вольво».

Он попытался вспомнить мужчину, который продал ему автомобиль, и перед его внутренним взором предстал элегантно одетый продавец с прической, тщательно скрывавшей намечающуюся лысину.

– Изначально магазин принадлежал моему деду, а папа и дядя Билли помогали ему, но потом устроились на работу в Лондоне. Там мои родители и познакомились. Когда дедушка заболел, папа и Билли вернулись в Истборн, взяли на себя заботу о магазине и унаследовали семейное дело, после того как дедушка вышел на пенсию.

– И сейчас магазин принадлежит вашему дяде?

– Да. Ну, и мне, я полагаю, хотя меня это не очень-то радует.

Мюррей промолчал, ожидая продолжения.

– Продажи сейчас оставляют желать лучшего. – Анна осторожно пожала плечами, стараясь не потревожить ребенка.

Маккензи решил позже подробно разобраться с вопросом о том, кто и что унаследовал после смерти родителей Анны, а сейчас нужно было заняться открыткой.

Отделив обрывки открытки от ошметок конверта, он сложил куски бумаги и обратил внимание на картинку на открытке, столь неприятно контрастировавшую с анонимным посланием внутри.

«Самоубийство? Едва ли».

– У вас есть подозрения по поводу того, кто бы мог это прислать?

Анна покачала головой.

– Кому известен ваш адрес?

– Я прожила в этом доме всю свою жизнь. Истборн – маленький городок, меня несложно найти. – Она ловко переложила ребенка с одной стороны на другую, а Мюррей уткнулся взглядом в открытку, пока не решил, что уже можно поднимать глаза. – После смерти папы мы получали много писем. И открыток с соболезнованиями. Люди вспоминали, как папа продавал им машины все эти годы. – Лицо Анны окаменело. – Но были и не такие приятные послания.

– В каком смысле?

– Кто-то написал, что папа будет гореть в аду за то, что посмел наложить на себя руки. Еще кто-то прислал записку «Туда ему и дорога». Анонимно, конечно.

– Наверное, вас и вашу мать это очень задело.

Анна неуверенно пожала плечами.

– Это были какие-то сумасшедшие. Люди злились оттого, что с их машинами было что-то не так. – Она заметила выражение лица Мюррея и пояснила: – Папа никогда не продавал порченный товар, просто иногда машины ломаются, и людям хочется кого-то в этом обвинить.

– Вы сохранили те письма? Мы могли бы сравнить их с этим. Посмотреть, не от одного ли они человека, затаившего обиду.

– Мы их сразу выбросили. А полгода спустя умерла мама, и... – Она посмотрела на Мюррея и прервала свой поток мыслей, чтобы вернуться к насущному вопросу. – Я пришла узнать, сможете ли вы возобновить следствие по делу о смерти моих родителей.

– Есть еще что-то, из-за чего вы подозреваете, что речь идет об убийстве?

– А что еще вам нужно? – Она указала на обрывки открытки.

«Доказательства», – подумал Маккензи. Он отхлебнул чаю, чтобы выиграть немного времени. Если передать дело детективу-инспектору Робинсону, все закончится до конца рабочего дня. Департамент уголовного розыска и так был завален под завязку текущими расследованиями, понадобится кое-что посерьезнее, чем анонимная записка и интуиция родственницы пострадавших, чтобы следствие по этому делу возобновили.

– Пожалуйста, мистер Маккензи, мне нужно знать. – Самообладание, которое Анна Джонсон проявляла в течение всего их разговора, дало трещину. – Я никогда не верила в то, что мои родители могли покончить с собой. Они любили жизнь. Были полны надежд. У них были такие планы на будущее, особенно в отношении магазина...

Младенец доел, и Анна уложила Эллу у себя на коленях, поддерживая одной рукой головку, а второй поглаживая спину.

– Ваша мать там тоже работала?

– Да, занималась бухгалтерией и встречала клиентов.

– По-настоящему семейный бизнес. – Мюррею было приятно услышать, что такие еще сохранились.

Анна кивнула.

– Когда мама была беременна, они с папой переехали в Истборн, чтобы находиться поближе к папиным родителям. Дедушка уже болел, и вскоре магазином стали заниматься в основном папа и Билли. Ну, и мама тоже.

Младенец явно устал, глаза у него закатились, как у пьянчуг в камере субботней ночью.

– А когда не работала, то собирала деньги на приют для животных или ходила на демонстрации.

– Какие демонстрации?

Анна невесело рассмеялась, глаза у нее заблестели.

– Любые. В защиту прав человека. За женское равноправие. Даже против повышения тарифов на проезд в автобусах – хотя, по-моему, мама вообще ни разу в жизни на автобусах не ездила. Но стоило ей взяться за дело – и это давало свои плоды.

– Похоже, она была замечательной женщиной, – мягко заметил Маккензи.

– Однажды в новостях передавали один сюжет. Много лет назад. Я находилась дома с родителями, и в гостиной был включен телевизор. Какой-то молодой парень съехал с Бичи-Хед на мопеде. Мопед достали из воды, но тело так и не нашли, и в новостях показывали его маму, она рыдала оттого, что не сможет похоронить сына.

Младенец заворочался, и Анна устроилась поудобнее, похлопывая его по спине.

– Мы тогда обсуждали этот сюжет, и я помню, как мама в ужасе зажала рот ладонью, слушая эту историю, и как папа разозлился на того парня, близким которого пришлось пережить такое горе. – Она помолчала, внимательно глядя на Мюррея. Даже ребенка похлопывать перестала. – Они видели, как это самоубийство ударило по его матери. И они никогда, никогда бы так со мной не поступили.

Слезы выступили в уголках ее глаз, скатились по крыльям узкого носа, потекли к подбородку. Тут Маккензи протянул ей платок, и Анна с благодарностью так прижала ткань к лицу, словно силой могла сдержать слезы.

Мюррей молчал. Он мог много рассказать о том, как влияют на людей попытки их близких покончить с собой, но подозревал, что такими разговорами Анне не поможешь. Предлагали ли ей тогда обратиться за помощью?

– Полицейские, расследовавшие смерть ваших родителей, должны были дать вам список организаций, которые поддерживают людей, чьи родственники покончили с собой. Можно получить помощь в группе или же общаться со специалистом с глазу на глаз.

Некоторым людям помогала групповая терапия, их спасало понимание того, что они не единственные, кто столкнулся с подобным. На встречах они восстанавливались, выходили оттуда сильнее, лучше справлялись со своими эмоциями. Как говорится, разделенное горе...

Правда, группы для поддержки семьи в ситуации суицида помогали не всем.

Мюррею они не помогли.

– Я обращалась к психотерапевту.

– Помогло?

– Я родила ему ребенка. – Анна рассмеялась сквозь слезы.

Маккензи обнаружил, что тоже улыбается.

– Что ж, неплохая помощь.

Слезы прекратились, улыбка Анны стала затухать, но все же играла на ее губах.

– Прошу вас, мистер Маккензи. Мои родители не покончили с собой. Они были убиты. – Женщина указала на разорванную открытку. – И это послание доказывает, что я права.

Этого открытка не доказывала. Она вообще ничего не доказывала.

Но вопросы по этому поводу действительно возникали. А Мюррей был не из тех, кто не обращает внимания на оставшиеся без ответа вопросы.

Возможно, он мог бы сам заняться этим делом. Взять материалы, прочесть отчет судмедэксперта. А затем, если окажется, что тут действительно есть что расследовать, обратиться к детективу-инспектору. В конце концов, все необходимые навыки у него есть, он тридцать лет проработал в полиции, большую часть из них – в уголовном розыске. Да, полицейское удостоверение можно сдать, но знания от этого никуда не пропадают.

Маккензи посмотрел на Анну Джонсон. Женщина выглядела уставшей от переживаний. Она была взвинчена, но полна решимости. Если он не поможет ей, тогда кто? А она была не из тех, кто легко сдается.

– Я сегодня же подниму в архиве материалы дела.

У Мюррея были необходимые навыки, и, главное, у него было время. Много, много времени...

Глава 6

Нельзя возвращаться. Это расстраивает людей. Если бы существовала инструкция, как действовать в такой ситуации, то это правило было бы указано там первым: «Ни в коем случае не возвращайтесь». И следом за ним там значилось бы: «Не допускайте, чтобы кто-то вас увидел».

Нужно двигаться дальше.

Но сложно двигаться, когда ты не являешься личностью, когда ты оставил привычную жизнь, а новая еще не началась. Когда ты застрял в безвременье между этой жизнью и следующей.

Когда ты умер.

Я следовала правилам.

Я скрылась в этой недожизни, одинокой и тоскливой.

Но я так скучаю по прежней жизни. Скучаю по нашему дому: саду, кухоньке, кофеварке, которую ты однажды ни с того ни с сего купил. И, сколь бы помещански это ни прозвучало, я скучаю по маникюру и походам в парикмахерскую каждые полтора месяца. Скучаю по своей одежде, моему чудесному платяному шкафу, отглаженным костюмам и тщательно сложенным кашемировым кофточкам. Интересно, как Анна поступила с моими нарядами? Носит ли она что-нибудь из моих вещей?

Я скучаю по Анне.

Скучаю по нашей дочери.

Весь ее последний школьный год я так боялась ее отъезда в колледж. Боялась пустоты, которая останется на ее месте, когда она уедет. Она никогда не знала, насколько сильно влияет на нас обоих. Я боялась одиночества. Боялась остаться одна.

Мне часто говорили, что Анна – вылитая я, и мы тогда, помню, переглядывались и смеялись, не замечая сходства. Мы были такими разными. Я обожала вечеринки, а Анна их ненавидела. Я любила ходить по магазинам, Анна же всегда была экономной, обходилась тем, что есть, и предпочитала починить одежду, а не купить новую. Да, волосы у нас были одинакового, мышиного цвета – я никогда не понимала, почему она не перекрасится в блондинку, – и фигуры одинаковые, со склонностью к полноте (меня это всегда заботило куда больше, чем ее). Новообретенная легкость мне к лицу, я думаю, хотя, должна признаться, мне не хватает комплиментов от друзей.

Путь назад занимает больше времени, чем я предполагала, но моя усталость развеивается, как только я вижу знакомые места. Словно досрочно освобожденный заключенный, я впитываю мельчайшие детали моего окружения, люблюсь тем, как все изменилось – и при этом осталось прежним.

Те же деревья, лишенные листвы, – пейзаж ничуть не изменился с тех пор, как я ушла, будто я всего лишь отвернулась на мгновение. Те же несущиеся по улицам автомобили, те же раздраженные водители автобусов. Я замечаю Рона Дайера, директора школы, куда ходила когда-то Анна, и прячусь в тенях. Но мне не стоило беспокоиться – он смотрит сквозь меня. Люди видят то, что хотят видеть, не так ли?

Я медленно иду по тихим улочкам, наслаждаясь новообретенной запретной свободой. У любого действия есть последствия, и мне нелегко далось нарушение правил. Если меня поймают, я могу лишиться следующей жизни и надолго застрять в чистилище. В воздвигнутой мною самой темнице. Но мне трудно не обращать внимания на радость возвращения. Все мои чувства ликуют после

долгой разлуки с привычным миром, и, когда я сворачиваю на следующую улицу, сердце бьется в моей груди все чаще.

Я почти дома. Дома. Я спохватываюсь. Напоминаю себе, что теперь это дом Анны. Наверное, там что-то изменилось. Ей всегда нравилась ее комната в глубине дома, с голубыми веточками на обоях, но глупо, наверное, представлять ее там. Полагаю, теперь она живет в нашей спальне.

На секунду мое самообладание дает трещину, и я вспоминаю, как мы вместе ходили смотреть этот дом, который все в округе называли Дубовой усадьбой. Бывшие владельцы, пожилая пара, отремонтировали проводку и подвели к дому газовое отопление и канализацию, отказавшись от дорогостоящей котельной и отвратительного отстойника в саду. Твой отец уже договорился о покупке. Нам оставалось только вдохнуть жизнь в это место, перекрасить все двери и каминные полки, распахнуть заклеенные намертво оконные рамы.

Я замедляю шаг. Теперь, оказавшись здесь, я нервничаю. Я сосредотачиваюсь на двух моих основных задачах: нужно не позволить Анне обратиться в полицию и удостовериться в том, что все улики указывают на самоубийство, а не на убийство.

Но как?

На улицу передо мной сворачивает идущая под руку пара, и я прячусь в подворотне, жду, пока они пройдут, успокаиваюсь. Мне нужно, чтобы Анна поняла, какой опасности подвергнет себя, если начнет сомневаться в истинности того, что она – как она считает – знает. Но как мне добиться этого, оставаясь невидимкой? Представляю себе мультяшное привидение, гремящее цепями и завывающее глухой ночью. Смех да и только. Глупости. Но как же мне передать ей весточку?

Ну, вот я и на месте. Перед нашим домом – домом Анны. Я перехожу на противоположную сторону улицы, но даже там мне кажется, что это слишком близко, и потому я прячусь в окруженном оградой парке за площадью и наблюдаю за домом из-за невысокого колючего остролиста. Что, если ее не окажется дома? Не могла же я позвонить и предупредить о своем визите. Вдруг риск, на который мне пришлось пойти, спускаясь сюда, окажется напрасным? Я

могу потерять все. Снова.

Какой-то шум на улице заставляет меня отступить за куст. Разведя ветки, я присматриваюсь и вижу какую-то женщину с коляской. Она идет очень медленно, разговаривая по телефону, и не замечает меня. Я же опять смотрю на дом, пытаюсь увидеть в окнах какое-то движение.

Колеса коляски ритмично поскрипывают на влажном тротуаре. Помню, как я возила Анну по демонстрационному залу в «Машинах Джонсонов», огибая автомобили и ожидая, когда же малышка уснет. Мы тогда и сами были детьми, нам едва хватало на жизнь того, что твой отец счел нужным платить нам. И коляска была старой, уродливой, с шаткими колесами, подпрыгивавшими на каждой кочке, и Анна все время просыпалась от этого. У женщины на улице коляска современная, изящная, удобная.

Она останавливается перед домом, и я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, опасаясь, что из-за нее не замечу движения за распахнутыми занавесками.

Но женщина не уходит. Только теперь я замечаю, что она не одна: за ней, перебирая лапками, трусит собачка, и в груди у меня все сжимается.

Неужели это...

Гравий хрустит под колесами, когда женщина минует распахнутые ворота ограды и направляется ко входной двери. Витражное стекло над дверью светится красным от лампочки в коридоре.

Так и есть.

Женщина заканчивает разговор по мобильному и прячет телефон в карман. Достает ключ, опускает капюшон, и я вижу ее мышиные волосы под светильником, горящим над дверью, вижу ее мягкие черты, всегда готовые растянуться в улыбке губы. Вот только сейчас она не улыбается, и у меня шумит в голове, потому что это действительно она.

Это – Анна.

И ребенок.

У нашей дочери есть ребенок...

Она поворачивается, поднимает коляску по ступенькам и на секунду замирает, глядя в парк. Мне кажется, будто она смотрит прямо на меня. Слезы блестят у нее на щеках. Анна вздрагивает, вносит ребенка в дом и закрывает дверь.

У Анны есть ребенок.

У нашей дочери есть ребенок!

У меня есть внучка...

И хотя я знаю, что никто не мог сказать мне – ничто так не разрушает связи, как свидетельство о смерти, – я чувствую прилив гнева оттого, что мой переход от статуса мамы к статусу бабушки произошел без моего ведома.

У Анны есть ребенок.

Это все меняет.

Это изменило Анну. Материнство заставило ее пересмотреть все, что она знала, переосмыслить свою жизнь, свои отношения.

Мою смерть. Твою.

Ребенок делает Анну уязвимой. Теперь у нее есть то, что она любит больше всего на свете. И если об этом кто-нибудь узнает, то сможет использовать против нее.

«Не ищи ответы, Анна. Тебе не понравится то, что ты найдешь».

Если она обратится в полицию, то подвергнет опасности и себя, и своего ребенка.

Запустит процесс, который потом уже не остановишь.

Глава 7

Анна

Через полчаса после моего возвращения домой кто-то звонит в дверь.

Я открываю.

– Мне позвонил Марк, – крепко обнимает меня Лора. – Он не хотел, чтобы ты оставалась одна, когда ты так расстроена.

Лора еще раз сжимает меня в объятиях, затем осторожно отстраняется и всматривается в мое лицо, пытаюсь определить, насколько мне плохо. Я чувствую прилив вины: не нужно было оставлять то сообщение на автоответчике Марка – он ничего не мог поделать, а теперь будет волноваться весь вечер, отвлекаясь от семинара и обстановки на дороге по пути домой.

– Со мной все в порядке, – с нажимом убеждаю я.

– А по твоему виду так не скажешь. Может, зайдём внутрь? Тут холодно, сил моих нет.

Лора у нас неподражаема. Худенькая, невысокая, с длинными светлыми волосами и девчачьим личиком – хотя ей уже за тридцать, у нее до сих пор требуют документы, когда она пытается купить выпивку.

Рита суетится на гравиевой дорожке и лает в темноту.

– Что это с ней?

- Охотится на белок-невидимок. Сегодня целый день так себя ведет. Рита!

Собака неохотно входит в дом, и я могу закрыть дверь. Только теперь понимаю, что Лора в джинсах, а не в уродливой коричнево-оранжевой форме банка, где она начала работать месяц назад.

- Ты разве не должна быть сейчас в банке?

- Не сложилось. - Она пожимает плечами, видя мое беспокойство. - Все в порядке, честно. Мне там все равно не нравилось. Ну что, я поставлю чайник?

Когда чай уже заварился, мы садимся за столик, и я показываю Лоре фотографию анонимной открытки - мне пришлось сфотографировать ее в полицейском участке (до того я как-то не подумала), и на снимке свет отражается от пакетов для улики, отчего слова на открытке трудно прочитать.

- И все, больше там ничего не было написано?

- Только вот эта одна строчка.

- Полицейские отнеслись к этому серьезно?

- По-моему, да. - Я замечаю ее выражение лица. - А ты думаешь, не стоит?

- Конечно стоит! Ты только посмотри на это. И посмотри на себя - ты, должно быть, ужасно огорчилась. - Лора осеклась. - Слушай, а разве тебе уже не приходили подобные записки, когда папа умер?

- Тогда ситуация была другая. Те люди были просто сумасшедшими.

- А ты считаешь, тот, кто это отправил, нормальный? - Она приподнимает бровь.

Я отворачиваюсь к окну и думаю о папиной истории запросов на телефоне: как он проверял время прилива, как выбирал место, с которого лучше всего прыгать. Думаю о священнике, слышавшем, как мама плачет из-за самоубийства своего супруга. Думаю о том, как мои родители упали с высоты в пять сотен футов в ледяную воду. Думаю, не столкнул ли их кто-то...

- Мне просто нужны ответы, Лора.

Она долго смотрит в свою чашку.

- Иногда полученные ответы нас не устраивают.

Мне было десять лет, когда умерла мама Лоры. Я тогда подбежала к телефону, оскальзываясь на полу: по дому я бегала в гольфах.

- Позови маму к телефону, пожалуйста, - услышала я в трубке.

- Лора! Ты когда в гости придешь?

Мамина крестница Лора заменила мне старшую сестру. Она была на семь лет старше меня, и в то время я мечтала стать такой же, когда вырасту: классной, модной, независимой. Тогда это казалось таким важным.

- Меня сегодня выбрали лучшей ученицей в классе, и... - пыталась похвастаться я.

- Мне правда нужно поговорить с твоей мамой, Анна.

Никогда не слышала, чтобы Лора так разговаривала. Так серьезно. И сердито. Уже потом я поняла, что она просто пыталась сдерживать свои чувства. Я передала маме трубку.

Мамины рыдания перемежались взрывами гнева.

Я уже лежала в постели, родители думали, что я сплю, но я слышала, как мама возмущается:

- Проклятая квартира! Там же сырость в каждой комнате. Алисия сотню раз об этом управляющему говорила. Она нашла в ванной грибы. Грибы! Еще в школе у нее была тяжелейшая астма, но... грибы - бога ради! Неудивительно, что ей стало хуже!

В ответ что-то говорил мой папа. Голос был тихий, успокаивающий, я не могла разобрать слова.

– В общем, – вздохнула мама, – они уже сказали, что переселяют Лору в новостройку. Если это не признание вины, то я вообще тогда не знаю!

Вот только вину они не признали. Жилищно-строительный кооператив категорически отказывался брать на себя ответственность за случившееся. Судмедэксперт установил, что причины смерти Алисии носят естественный характер, ее астма была лишь вторичным фактором.

– Ты все еще скучаешь по ней? – спрашиваю я. На самом деле это не вопрос.

– Каждый день. – Лора заглядывает мне в глаза. – Хотела бы я сказать тебе, что дальше будет легче, но это неправда.

Я думаю о том, как я буду чувствовать себя через шестнадцать лет. Наверное, эта жгучая острая боль в груди все-таки уже не будет душить меня спустя все эти годы? Она должна ослабеть. Должна. Кошмары отступят, и чувство утраты перестанет охватывать меня всякий раз, когда я вхожу в комнату и вижу, что кресло моего отца пустует. Мне станет легче. Неужели нет?

Я подхожу к креслу-качалке, где дремлет Элла, и присаживаюсь на корточки.

Мне нужно отвлечься от наплыва эмоций. Вот мое решение. Отвлечься. Когда умерла Алисия, у Лоры не было такой возможности. А у меня есть Элла. И есть Марк. Марк всегда знает, что сказать, всегда знает, как сделать так, чтобы я чувствовала себя лучше.

Это мои родители послали мне Марка. Я знаю, это звучит абсурдно, но я верю, что люди появляются в нашей жизни именно тогда, когда они нужны нам, и, хотя до встречи с ним я не подозревала об этом, Марк был всем, что мне только нужно.

Через несколько дней после смерти мамы я поехала на Бичи-Хед. После папиной смерти я отказывалась ехать туда, хотя мама проводила там много часов, гуляя

по скалам и стоя на месте, с которого он якобы спрыгнул.

Когда умерла мама, я захотела увидеть то, что видели мои родители, – понять, что происходило у них в головах в этот момент. Я припарковала машину и подошла к краю обрыва, посмотрела на волны, бьющие о камни. Голова у меня закружилась от страха высоты, и во мне вдруг вспыхнуло пугающее, иррациональное желание прыгнуть. Я не верю в загробную жизнь, но в тот момент я почувствовала близость к своим родителям – впервые после их смерти, – и мне отчаянно захотелось поверить, что когда-нибудь я воссоединюсь с моими близкими на небесах. Я подумала, что если бы безоговорочно верила в это, то не стала бы медлить.

Судмедэксперт сказал, что самоубийство моей матери было вполне понятно – настолько, насколько может быть понятной любая смерть. Она скучала по моему отцу.

Папина смерть свела маму с ума. Она стала нервной, параноидальной, вздрагивала от каждого шороха и отказывалась брать трубку. Иногда среди ночи я спускалась на кухню выпить воды и обнаруживала, что в доме пусто, а мама отправилась на прогулку.

«Ходила повидаться с твоим отцом», – так она говорила. Его надгробный камень находился в церковном дворе, среди других могил. Я плакала, представляя, как мама стоит одна посреди кладбища.

«Зря ты меня не разбудила. В следующий раз непременно разбуди».

Но она этого так и не сделала.

На Бичи-Хед решили проявить бдительность. Да и не удивительно – приближался канун Рождества, и недели не прошло после «подражания самоубийству», о котором писали газеты национального масштаба. Я все еще смотрела на камни, когда ко мне подошел священник, спокойный, ничуть не осуждающий меня.

«Я не собиралась прыгать, – сказала я ему после. – Я просто хотела понять, что они чувствовали».

Меня остановил не тот священник, который говорил с моей матерью на вершине скалы. Этот был старше и мудрее того молодого, который пришел в полицейский участок, дрожа в легкой, не по погоде обуви, и рассказал, как моя мать набрала камни в рюкзак, как положила на пожухлую траву сумочку и мобильный – в точности как папа уложил свой бумажник и телефон семь месяцев назад.

Молодой священник чуть не плакал. «Она... она сказала, что передумала. – Он старательно избегал моего взгляда. – Я провел ее к машине».

Но моя мать была упрямой женщиной. Час спустя она вернулась к обрыву, аккуратно выложила сумку и телефон и – как установил судмедэксперт – покончила с собой.

Священник, говоривший со мной на Бичи-Хед прошлым Рождеством, не стал рисковать. Он вызвал полицию, дождался, пока они меня увезут, и спокойно закончил свой день, зная, что в его смену никто не погиб.

Я была благодарна ему за заботу. Мне было страшно понять, что все мы можем оказаться всего в шаге от немыслимого.

«Я не собиралась прыгать», – сказала я ему. Но на самом деле не была в этом так уверена.

Вернувшись домой, я обнаружила в почтовом ящике рекламную листовку: «Помощь психотерапевта. Отказ от курения, освобождение от фобий, повышение уверенности в себе. Психологическая поддержка при разводе. Помощь скорбящим». Несомненно, такие листовки разнесли по всему кварталу, но мне это показалось знаком свыше. Я набрала номер еще до того, как успела передумать.

Марк мне сразу понравился. Не успел он заговорить, как мне стало чуть легче. Марк у меня высокий, но ни на кого не смотрит сверху вниз; широкоплечий, но совсем не грозный. В уголках его темных глаз прячутся морщинки, придающие ему мудрый вид, а когда он слушает, то кажется внимательным и вовлеченным в беседу, даже очки снимает, будто это поможет ему лучше слышать. При первой

встрече я ни за что бы не подумала, что мы с ним будем вместе. Что у нас будет ребенок. Все, что я знала, – что рядом с Марком чувствую себя в безопасности. И это чувство с тех пор не прошло.

Лора допивает чай, моет чашку и ставит ее в сушку рядом с мойкой.

– Как Марк воспринимает свое отцовство?

Я отхожу от качалки.

– Не нарядуетя на малышку. Вечером, возвращаясь с работы, бежит к ней, не снимая плаща. Хорошо, что мужчины не кормят грудью, а то он меня к Элле вообще бы не подпускал.

Я закатываю глаза, но, конечно, я не жалею. Хорошо, что Марк столько мне помогает. Никогда не знаешь, каким отцом кто-нибудь станет, верно? Говорят, женщины инстинктивно выбирают мужчину по характеристикам, которые нам нужны в супруге: он должен быть честным и сильным, должен любить нас. Но никогда не знаешь, выйдет ли он в три часа ночи за черносмородиновым мороженым, которого вам так захотелось, будет ли он вставать ночью, чтобы покормить и успокоить ребенка... А к тому моменту, как ты это понимаешь, обычно уже поздно что-то менять. Мне повезло, что у нас есть Марк. И я очень рада, что он остался со мной.

Мой отец за всю жизнь не сменил ни одной пеленки, и, насколько мне известно, мама ни разу его не просила. Просто так было тогда заведено. Я представляю себе, как папа отнесся бы к тому, что Марк укачивает Эллу или привычным жестом меняет грязный подгузник на чистый, и знаю, что папа непременно отпустил бы колкое замечание, мол, «ну и мужики нынче пошли». Я отгоняю от себя такие мысли. Честно говоря, я вообще не знаю, понравился бы Марк папе или нет.

И это не важно. Не должно быть важно. Марк – отличный отец для Эллы, и это главное.

На первом свидании я выпила лишнего. Алкоголь помог мне снять тревогу, чуть ослабил чувство вины оттого, что я отправилась развлекаться всего через два месяца после маминой смерти.

– Обычно я так себя не веду, – сказала я, когда мы очутились в квартире Марка в Патни, обещанная чашка кофе была позабыта, сменившись еще одним бокалом вина, а осмотр квартиры привел нас в спальню.

Эта фраза сама по себе банальна, но она соответствовала истине. Я никогда не спала с мужчинами на первом свидании. Да и на втором или третьем, если уж на то пошло. Но той ночью поддалась порыву. Жизнь казалась слишком короткой, чтобы медлить с решениями.

На самом деле во мне говорила не решимость, а спиртное. Мой поступок был безрассудным, а не спонтанным. Марк – может, он был не настолько пьян, а может, его еще угнетало осознание того, что мы нарушаем его профессиональную этику, – попытался утихомирить меня, но тщетно.

На следующее утро меня железным ободом сковала вина. Жгучий стыд, разорвавший в клочья мое самоуважение и вытолкнувший меня из постели Марка еще до того, как он проснулся.

Марк застал меня у выхода, когда я уже обувалась.

– Ты уходишь? Я думал, мы сходим позавтракать.

Я помедлила. Не похоже было, чтобы Марк потерял ко мне всякое уважение, но от воспоминаний о предыдущей ночи у меня внутри все сжималось: например, я вдруг вспомнила, как пыталась стащить трусики, исполняя некое пьяное подобие стриптиза, потеряла равновесие и плюхнулась на кровать.

– Мне нужно идти.

– Я знаю отличное местечко неподалеку. Сейчас еще очень рано...

Так и не высказанный вопрос – куда я так тороплюсь в восемь утра в воскресенье? – заставил меня согласиться.

К девяти похмелье отступило, как и неловкость. Если Марк ничуть не смущается, то почему я должна стесняться? Но мы согласились, что все произошло куда быстрее, чем мы оба ожидали.

– Можем, попробуем начать заново? – предложил Марк. – Прошлая ночь была великолепна, но... может, нам стоит устроить еще одно «первое свидание». Узнать друг друга получше.

В следующий раз мы переспали только через пять недель. Тогда я еще не знала, что уже беременна.

– Может, в газеты обратиться? – спрашиваю я Лору.

– По-моему, ты торопишь события.

– Они написали статью, когда мама умерла. Может, сделают продолжение. Попросят читателей поделиться информацией. – Я вспоминаю открытку: «Самоубийство? Едва ли». – Тогда никто не объявился, но если мама была не одна в тот день, если кто-то ее толкнул, то могут быть свидетели.

– Анна, священник видел твою маму.

Я молчу.

– Он говорил с ней над обрывом. И она сказала, что хочет покончить с собой.

Мне хочется зажать уши руками: «Ла-ла-ла-ла-ла!»

– Но его не было рядом, когда она прыгнула, так? Он не видел, была ли она одна, когда вернулась.

– Что ж, – помолчав, говорит Лора, – Кэролайн приезжает на Бичи-Хед, она готова прыгнуть с обрыва. Священник отговаривает ее, а час спустя кто-то ее убивает?

Лоре не нужно объяснять мне, насколько абсурдно это звучит.

– Может быть, она пыталась спастись от кого-то. Считала, что лучше покончить с собой, чем позволить кому-то убить себя. Только она не смогла пойти на самоубийство, и, когда священник думал, что спасает ее, на самом деле он толкал ее прямо к...

Я осекаюсь. Жалость во взгляде Лоры невыносима.

– К кому?

Элла проснулась, она гулит в качалке и сует кулачок в рот.

– Кто убил ее, Анна? Кто мог желать Кэролайн смерти?

Я прикусываю губу.

– Не знаю. Один из тех идиотов, которые винят окружающих в том, что сломалась машина...

– Как те идиоты, которые присылали анонимные записки после смерти твоего отца?

– Вот именно! – Я торжествую, думая, что она подтвердила мою точку зрения, но затем вижу выражение ее лица, и каким-то образом оказывается, что права она.

Гуление Эллы сменяется громкими криками, и я вынимаю малышку из качалки и прикладываю к груди.

– Ты только посмотри на себя – настоящим специалистом в этом вопросе стала. – Лора улыбается.

В самом начале я могла кормить грудью только в одном кресле, особым образом разложив вокруг подушки, и при этом мы должны были оставаться в комнате одни, чтобы ничего не отвлекало Эллу от еды. Теперь же я могу покормить малышку, поддерживая ее одной рукой. И стоя, если приходится.

Но я не позволяю Лоре сменить тему разговора. Она задала правильный вопрос. Кто желал бы маме смерти? Некоторые продавцы машин, с которыми мои родители и Билли пересекались, не скрывали, что занимаются темными делишками. Может, смерть мамы и папы стала результатом неудачной сделки?

- Ты сможешь мне разобрать вещи в маминном и папином кабинете?

- Сейчас?

- А что, не получится? Тебе уже пора идти?

Если Лора не поможет мне, я сама этим займусь.

Или, быть может, причиной всему стала страсть мамы к общественным протестам? Помню, я была еще подростком, когда мама участвовала в движении за запрет экспериментов над животными в Брайтонском университете и в результате из-за своей агитационной деятельности начала получать огромное количество писем с угрозами от сотрудников университета и членов их семей. Не помню, чтобы в последние годы она участвовала в каких-то серьезных протестных акциях, был только какой-то протест по поводу незаконных строительных работ и петиция за ремонт велодорожек. Но, может быть, в ее кабинете я найду что-то о других ее акциях.

- Нет, я не в том смысле... Я хотела сказать, ты уверена, что хочешь заняться этим прямо сейчас?

- Лора, ты весь год меня пилила, чтобы я разобрала эти вещи! - напоминаю.

- Ну, просто глупо работать за кухонным столом, когда ты могла бы обустроить себе отличный кабинет. И вообще я тебя не пилила. Хотя я действительно считаю, что это принесло бы тебе облегчение, что бы там ни говорил Марк.

- Ну, Марк этим на жизнь зарабатывает, знаешь ли, - как можно мягче отвечаю я.

- Что хорошего в том, чтобы запереть комнату и притворяться, будто ее и вовсе нет? Такой подход не кажется мне здоровым.

– Марк не говорил, что нужно притворяться, будто комнаты нет, он просто предлагает заняться этим, когда я буду готова.

– То есть когда он скажет, что ты готова?

– Нет. Когда я решу, что готова, – уже резче отвечаю я.

Я знаю, что Лора – как и дядя Билли – на моей стороне и мое благополучие важно для них, но иногда мне хочется, чтобы они не так настойчиво стремились защитить меня.

Все произошло слишком быстро, вот в чем проблема. Мы с Марком и года не прожили вместе, а нашему ребенку уже восемь недель. Мы все еще узнаём о любимой еде, фильмах и книгах друг друга. Я всего раз виделась с его матерью. Мы словно подростки, которых застукали за первым сексом, вот только мне двадцать шесть, а Марку – сорок.

Это, кстати, тоже проблема.

– Да он тебе в отцы годится, – сказал Билли, когда я поделилась с ним новостью. Вернее, двумя важными новостями одновременно. «Я кое с кем познакомилась, он переезжает ко мне. Ой, да, а еще я беременна от него, роды должны быть в октябре».

– Папа тоже был на десять лет старше мамы.

– И смотри, к чему это привело.

– Это еще что значит?

На последний вопрос Билли отвечать не стал, и я была благодарна ему за это. Я не хотела знать. Никогда не хотела знать. Когда ты маленький, родители кажутся тебе самим совершенством. Может, они слишком часто на тебя кричат, не дают тебе денег на карманные расходы, пока ты не наведешь порядок у себя в комнате, но они твои родители. Они тебя любят. А ты любишь их.

Только в университете я поняла, что не у всех такие родители, как у меня. Что не у всех мама и папа постоянно скандалят, не у всех мама и папа каждый день пьют. Этого озарения мне хватило – и я не стремилась к новым. Я не хотела знать, как живет мой родителям в браке. И крепкий ли у них брак. Это было не мое дело.

Как и в остальных комнатах первого этажа, окна кабинета – во всю высоту стены, с покрытыми краской ставнями. Ими так редко пользовались, что они не закрываются. В центре комнаты стоит двойной стол, за которым мои родители могли работать одновременно.

Правда, так случалось только в те дни, когда они заполняли налоговые декларации, и это пренеприятнейшее занятие неизменно приводило к скандалам.

– Анна, попроси отца передать мне степлер, – однажды в субботу сказала мама, когда я заглянула к родителям в кабинет посмотреть, долго ли им еще корпеть над декларациями. Я сама передала ей степлер и ушла кататься на велосипеде, пока скандал не закончился.

В основном родители дежурили в демонстрационном зале по очереди, пока я не выросла настолько, что смогла приходить к ним на работу после школы или самостоятельно добираться домой...

Опустив ладонь на дверную ручку, я глубоко вздыхаю. Я не пользуюсь этой комнатой. Я сюда не захожу. Я притворяюсь, будто ее нет.

– Ты не обязана это делать. Мы и так проверили все важные документы.

Лора с напускной скромностью намекает на тот долгий день, когда она тщательно отбирала документы, просматривая бумаги моих родителей в кабинете, а потом провела еще один день на телефоне, обзванивая компании, меняя имя на чеках и отменяя десятки подписок на имя моих родителей. Мою благодарность омрачало чувство вины. Кто помогал Лоре, когда умерла Алисия? Я представляла себе семнадцатилетнюю Лору в новостройке, куда они с Алисией совсем недавно переехали, представляла, как она просматривает ее бумаги, и у меня разрывалось сердце.

– Время пришло, – говорю я.

Я хочу узнать все о жизни своих родителей. Все, на что я закрывала глаза. Все, во что я не хотела верить. Мне нужно все это выяснить. Кто был моим родителям друзьями? Кто был им врагами?

Кто убил их?

Глава 8

Мюррей

Сотрудник архива, Деннис Томпсон, начал полнеть еще в те годы, когда они с Мюрреем дежурили вместе в патруле. Теперь он совсем раздался вширь, на голове лоснилась лысина, а на лбу красовались сразу две пары очков.

– Надо очки с бифокальными линзами купить, – пожаловался он, опуская одну из пар очков себе на переносицу и всматриваясь в надписи на двух папках, которые он принес Мюррею. – Том Джонсон, Кэролайн Джонсон?

Анонимную открытку прислали на годовщину смерти Кэролайн Джонсон, а значит, расследование нужно было сосредотачивать именно на ней, но, поскольку ее смерть столь очевидным образом была связана со смертью ее супруга, Маккензи намеревался изучить все данные с самого начала.

– Да, они-то мне и нужны. Спасибо.

Деннис положил на стойку книгу для записей и пододвинул ее к Мюррею. На каждой странице формата А4 виднелись аккуратные колонки с подписями: кто взял какой документ из архива, когда вернул. Страницу испещряли подписи. Маккензи взял ручку, но остановился.

– Слушай, ты не будешь против, если... – Он посмотрел на своего бывшего товарища по патрулю.

– Ты возьмешь документы не под подпись?

– Пожалуйста. Ты и оглянуться не успеешь, как я их тебе верну.

«Иногда, – размышлял Мюррей, выходя из архива с папками, – есть некоторые преимущества в том, что ты так долго работаешь на одном месте».

Он хотел просмотреть документы по дороге домой, но в автобусе прямо за ним сидело два полицейских из подразделения быстрого реагирования – галстуки и погоны скрыты флисовыми куртками. Они не заметили Мюррея (поразительно, насколько невидимым для окружающих ты становишься, стоит тебе выйти на пенсию), но тот не собирался афишировать свое присутствие с незаконно добытыми полицейскими документами в сумке. Уставившись в окно, он задумался о том, что скажет о деле Джонсонов Сара.

Почти все время своей службы Маккензи носил документы домой. В ранние годы брака Сара занималась низкооплачиваемой работой, требовавшей пунктуальности, вежливости и оптимизма, что давалось девушке нелегко, и на каждой такой работе она впадала в депрессию, особенно когда ее увольняли. Через какое-то время Сара сдалась и согласилась принять решение, которое Мюррей предлагал с самого начала: она будет заниматься хозяйством, а он – приносить домой деньги. После этого им обоим стало легче.

Вскоре Маккензи начал делиться с Сарой своими впечатлениями о том, что случилось у него на службе. Он отдавал себе отчет в том, что его работа требует конфиденциальности, но в то же время понимал, что в те дни, когда Сара не могла выйти из дома, эта возможность узнать что-то новое была для нее не только интересной, но и необходимой.

К его удивлению, постепенно он начал получать от этих разговоров не меньше удовольствия, чем Сара, да и свежий взгляд, не замутненный полицейскими предубеждениями, всегда помогал ему. Теперь Мюррей с нетерпением ожидал того момента, когда расскажет жене о деле Тома и Кэролайн Джонсон.

Автобус остановился, как обычно, на углу улицы, где жил Маккензи, – тупиковой улочки с коттеджами в швейцарском стиле. Эти дома построили еще в шестидесятые годы, жили тут как только что съехавшие от родителей подростки, так и семейные пары и пенсионеры. Несколько коттеджей перестроили, так что теперь они скорее напоминали роскошные частные особняки в два этажа с оборудованными на заднем дворе навесами для барбекю. А вот дом Мюррея, если не принимать во внимание пару новых ковров и подкрашивание стен каждые несколько лет, выглядел в точности так же, как в 1984 году, когда они с Сарой переехали сюда. В тот год он прошел испытательный срок и начал свою работу как сотрудник полиции.

Маккензи не стал выходить из автобуса. Он проехал еще пять остановок, попрощался с водителем и отправился в Хайфилд пешком. Эта усадьба, занесенная в список архитектурных памятников Великобритании, была построена еще в 1811 году, но с начала пятидесятых годов использовалась как больница. Здание окружал потрясающий сад, правда, историческую эстетику несколько нарушали модульные бытовки и дешевые строения с плоскими крышами, которые поставили здесь из-за нехватки мест для новых пациентов. Таких пациентов, как Сара.

Мюррей знал Хайфилд как свои пять пальцев. Тут находилось амбулаторное отделение с очень высокой посещаемостью: пациентам предлагалась арт-терапия, группы поддержки и даже кафе, блюда для которого готовили больные. Был тут и лечебно-консультативный центр, и кабинеты психотерапевтов, и курсы по диетологии для пациентов с расстройствами пищевого поведения. В стационаре предоставлялись палаты для людей с разнообразными психическими заболеваниями, требующих разной степени врачебного наблюдения, включая надзорную палату, где Сара провела десять дней в 2007 году. Каждый раз, проходя мимо, Маккензи с ужасом вспоминал тот день, когда он обратился к врачам с просьбой о принудительной госпитализации его жены.

Сара не скрывала своего диагноза с первых дней ее знакомства с Мюрреем. Они встретились на вечеринке по случаю выпуска из полицейской академии: брат Сары Карл учился с Мюрреем на одном курсе, хотя они с Карлом никогда особо не дружили. Маккензи сразу заинтересовался роскошной девушкой, стоявшей рядом с родителями его однокурсника. Вначале он подумал, что они с Карлом встречаются, но, к его облегчению, оказалось, что это не так.

– Ты знаешь, что я чокнутая, да? – Сара бросила ему эти слова в лицо, как вызов.

На ней были огромные серебряные сережки-колечки, покачивавшиеся при каждом ее движении, и розовый свитер со стразами, от которого у Мюррея сразу заболели глаза.

Он не рассмеялся. Во-первых, политкорректность была свойственна ему задолго до того, как это слово стало привычным каждому полицейскому, а во-вторых, ее реплика никак не вязалась с обликом стоявшей перед ним девушки. Та наполнилась энергией, глаза сияли, будто во всем она видела радость. Сару никак нельзя было назвать «чокнутой».

– У меня пограничное расстройство личности. – Девушка опять широко улыбнулась. – Хотя звучит это куда хуже, чем дела обстоят на самом деле, клянусь.

«Пограничное расстройство личности». Эти три слова служили фоном всех их дальнейших отношений. Вскоре Мюррей понял, что серо-голубые глаза Сары сияли только в хорошие дни, в плохие же дни они наполнились невыносимой болью и страхом.

Сейчас Сара добровольно проходила лечение в палате, где Маккензи уже знал всех пациентов по именам. Время посещения в больнице было ограничено, но врачи и медсестры с пониманием относились к графику дежурств у Мюррея на службе, так что он расписался на входе и проследовал в комнату отдыха, ожидая, пока медсестра приведет Сару.

Комнаты отдыха в каждой больнице выглядят по-разному. Иногда кажется, что ты очутился в комнате для долгосрочных свиданий в тюрьме, с голыми стенами и надзирателями в форме, следящими за каждым твоим движением. Есть комнаты, где царит более расслабленная атмосфера, с диванчиками, телевизором и санитарями в повседневной одежде, – только по бейджикам можно понять, что это не пациенты.

Комната отдыха в Хайфилде находилась где-то посередине на этой шкале. Она была разделена на две секции: в первой был установлен стол для арт-терапии, пестревший яркой бумагой и подставками с разноцветными фломастерами. Детям и их родителям выдавали стикеры, чтобы приклеить самодельные

открытки: скотч был тут под запретом. Все ножницы – только пластмассовые и только с закругленными концами. Во второй же части комнаты, где устроился Маккензи, стояли диваны и низкие кофейные столики, засыпанные ворохом журналов не первой свежести.

Сара обвила его шею руками и крепко обняла.

– Ты как? – поинтересовался он.

– В соседней палате появилась новая пациентка. – Сара поморщилась. – Когда она нервничает, то бьется головой о стену. А нервничает она много.

– Тяжело спать?

Сара кивнула.

– Дома будет спокойнее... – Маккензи осекся, заметив вспышку тревоги в ее глазах.

Нельзя на нее давить. Прошло всего три недели с тех пор, как Сара настолько сильно порезала себе руки, что на оба запястья пришлось накладывать швы. Медсестра в приемном отделении сказала, что это был крик о помощи: вскрыв вены, Сара тут же вызвала скорую, а в коридоре уже стояла сумка со всем необходимым для госпитализации в Хайфилд.

«Я почувствовала, что оно опять накатывает», – объясняла она Мюррею, когда он, нарушая все ограничения скорости, примчался в больницу.

Оно. Неуловимое, но гнетущее, оно всегда присутствовало в их жизни. Оно не позволяло Саре выходить из дома. Оно приводило к тому, что ей было трудно завести друзей – и еще труднее их сохранить. Оно таилось где-то в глубине, под налетом повседневности для Мюррея и Сары. Всегда рядом, всегда выжидает.

– Почему ты не позвонила доктору Чаудгари? – спросил он тогда.

– Он бы меня не принял.

Маккензи заключил ее в объятия, пытаясь понять ее чувства, но нелегко было принять логику, согласно которой попытка самоубийства – это единственный способ оказаться в безопасном месте...

– У меня сегодня был интересный день, – сказал Маккензи.

Глаза Сары загорелись. Она сидела на диване, поджав под себя ноги и опершись спиной на подлокотник. Никогда в жизни Мюррей не видел, чтобы его жена нормально устроилась на диване: она либо валялась на полу, либо свешивала голову с края дивана, а иногда даже закидывала ноги на спинку, касаясь пальцами стены. Сегодня она надела длинное серое льняное платье и ярко-оранжевую кофту, у которой она так часто одергивала рукава, что они уже порядком вытянулись.

– Ко мне обратилась женщина, которая считает, что ее родители не покончили жизнь самоубийством, а были убиты.

– Ты ей веришь? – Как всегда, Сара сразу перешла к делу.

Маккензи задумался. Верил ли он Анне?

– Честно говоря... не знаю.

Он рассказал Саре о Томе и Кэролайн Джонсон: о камнях в их рюкзаках, о показаниях свидетелей, о попытке священника остановить Кэролайн. Наконец сказал об анонимной открытке на годовщину смерти и просьбе Анны Джонсон возобновить следствие по делу ее родителей.

– У ее родителей были суицидальные наклонности?

– По словам Анны Джонсон, нет. До смерти мужа Кэролайн Джонсон никогда не страдала от депрессии, а его самоубийство стало для всех полной неожиданностью.

– Интересно.

Глаза Сары сияли, и Маккензи почувствовал, как по его телу разливается приятное тепло. Когда Саре становилось хуже, весь мир вокруг нее словно скукоживался. Она утрачивала интерес ко всему, что не касалось непосредственно ее жизни, и становилась предельно эгоистична – это было так не похоже на ее привычное поведение.

Поэтому ее интерес к делу Джонсонов был добрым знаком, просто отличным, и Мюррей радовался, что решил все-таки взяться за это расследование.

Он не волновался, что дело Джонсонов связано с темами, которые бестактно поднимать в разговоре с женщиной, не раз пытавшейся покончить с собой: он никогда не осторожничал в разговорах с Сарой, как это делали многие их друзья.

Однажды они пили кофе с коллегой Мюррея, и по радио началась передача об уровне самоубийств среди молодежи. Когда Алан метнулся к приемнику и выключил радио, Мюррей и Сара удивленно переглянулись.

– Да, я больна, – мягко сказала Сара, когда Алан уселся обратно за стол и на кухне воцарилась тишина. – Но это не означает, что мы не можем говорить о проблемах с психическим здоровьем или суициде.

Алан повернулся к Мюррею в поисках поддержки, но тот отвел глаза. Сара балансировала на тонкой грани между здоровьем и болезнью, и легче всего было нарушить этот баланс, если она подумает, что ее осуждают. И обсуждают.

– Если уж на то пошло, я куда живее интересуюсь этой темой, чем среднестатистические люди, – продолжила Сара. – Откровенно говоря, – улыбнулась она, – если кто-то тут и разбирается в самоубийствах, так это я.

Людям нравятся категории, часто думал Маккензи. Ты либо болен, либо здоров. Либо безумен, либо в здравом уме. Проблема Сары была в том, что она находилась на границе этих двух категорий, и люди не знали, как с этим обходиться.

– А ты материалы дела принес? – Сара оглянулась в поисках его сумки.

– Я их еще сам не читал.

– Может, принесешь завтра?

– Конечно. – Он посмотрел на часы. – Ладно, буду я бежать уже. Надеюсь, сегодня ты сможешь выспаться.

Она провела его до двери и обняла на прощание. Мюррей улыбался до тех пор, пока она могла видеть его лицо. Иногда, в плохие для Сары дни, лучше было оставить ее в Хайфилде. Ему легче было уходить домой, когда она лежала в кровати, укрывшись одеялом. В такие моменты Маккензи знал, что Сара остается в наилучших условиях из возможных: тут она будет в безопасности, за ней присмотрят. Но когда Сара вела себя нормально – и даже казалась счастливой, – каждый шаг от нее казался шагом в неверном направлении. Как Хайфилд, с его больничной атмосферой и похожими на камеры заключенных палатами, мог быть лучше их уютного привычного коттеджа? И как Сара могла ощущать себя в большей безопасности в клинике, а не дома?

Поев и отмыв сковородку после омлета, Маккензи уселся за стол и начал изучать материалы по делу Джонсонов. Он просмотрел выписки о телефонных звонках, показания свидетелей и отчеты полиции. Просмотрел фотографии улики: оставленный Томом Джонсоном бумажник, сумочка его жены. Прочел эсэмэски, присланные незадолго до смерти. Тщательно проанализировал выводы, сделанные следователями, и решение судмедэкспертов о том, что причиной смерти стало самоубийство.

Затем Мюррей разложил все материалы на кухонном столе, включая пакет с анонимной открыткой, присланной Анне Джонсон (его он поместил в самый центр стола). Еще раз просмотрев отчеты судмедэкспертов, он отложил материалы и достал чистый блокнот. Это было не только удобно, но и несло символический смысл: если мать Анны убили, Мюррею следует начать это расследование с чистого листа, а значит, первым делом нужно разобраться с самоубийством Тома Джонсона.

Маккензи получил звание детектива-инспектора в 1989 году, когда все материалы дела еще оформлялись от руки, а раскрытие преступления требовало обивания порогов, а не киберслежки. К 2012 году, когда Мюррей вышел на

пенсию, его профессия изменилась до неузнаваемости, так что, помимо чувства утраты, когда он сдал свое служебное удостоверение, он ощутил и некоторое облегчение.

Новые технологии давались ему нелегко, Маккензи до сих пор предпочитал записывать показания свидетелей ручкой с серебряной гравировкой, которую ему подарила Сара, когда он получил повышение в Департаменте уголовного розыска.

На мгновение Мюррей почувствовал, как его уверенность заколебалась. Да кем он себя возомнил? Почему он думает, что найдет в этих материалах что-то, чего не заметили другие? Ему уже исполнилось шестьдесят. Он вышел на пенсию и сейчас работал в полиции не как кадровый полицейский, а как простой гражданский. Последние пять лет он проверял водительские права и принимал показания о потерянной собственности.

Он покрутил ручку, провел кончиком пальца по гравировке: «Детектив-инспектор Маккензи». Натянув рукав на ладонь, начистил серебро до блеска. Жаль, что Сары нет рядом.

«Помнишь то ограбление почтового отделения? – сказала бы она. – У полиции не было ни единой улики. Ни единого результата судмедэкспертизы. Никто не знал, что делать. Никто, кроме тебя».

Полиция была готова закрыть это дело, но Мюррей не отступал. Он занялся опросом потенциальных свидетелей, обошел множество домов, встряхнул местное сообщество. Он прошерстил всю свою сеть осведомителей, и в конце концов одно имя все-таки всплыло. Парня посадили на четырнадцать лет.

«Но это было так давно», – шепнул голос где-то в голове. Маккензи отогнал эти мысли и взялся за ручку. Процесс расследования, может, и поменялся, зато преступники остались прежними. А Мюррей был отличным следователем. Одним из лучших. Это не изменилось.

Анна и Лора копаются в жизни, которую мы с тобой оставили в прошлом. Мне это не нравится. Я хочу вмешаться, не дать им открывать ящики и листать записные книжки, не дать просматривать книги и коробки с фотографиями.

Последствия чьей-то смерти – не лучший подарок для близких. Наши дети, супруги и друзья вынуждены завершать наши так и не доведенные до конца дела, устранять последствия нашего внезапного исчезновения. Я сделала это для моих родителей, приехав в их дом в Эссексе, ты сделал это для своих, здесь, в Истборне. Теперь Анна делает это для меня. Для нас обоих.

Я смотрю, как Лора разглядывает керамический горшок, в котором когда-то зеленело растение (внутри до сих пор сохранились следы сухой земли), и откладывает в сторону. Возле стола уже образовалось две отдельные горки вещей, и я думаю, кто же решил все-таки заняться этой комнатой. Анна? Или Лора? Это она заставила Анну рассортировать наши вещи? Это Лора толкает мою дочь к опасности?

Они о чем-то разговаривают. Я слишком далеко и не могу разобрать слова, да и видно мне не очень хорошо, угол обзора слишком маленький. Меня это огорчает. Если я не знаю, что происходит сейчас, как я смогу повлиять на то, что случится дальше?

Наша внучка лежит на матрасе под растяжкой со свисающими оттуда яркими игрушками. Малышка сучит ножками, Анна улыбается ей, и на мгновение у меня перехватывает дыхание. Я представляю себе, что было бы, если бы я могла просто войти туда, будто никогда и не уходила. Если бы я не была матерью, пропустившей целый год из жизни своей дочери. Пропустившей рождение собственной внучки.

Дом не украшен к Рождеству, не мигают гирлянды над перилами, нет рождественского венка на двери. До Рождества осталось всего четыре дня, и я думаю – ждет ли Анна кануна праздника, создавая новую семейную традицию, или она намеренно отказывается от праздничных мероприятий? Может быть, дочь теперь не переносит мишуру и елочные шары?

Лора просматривает мой дневник, и я вижу, как Анна косится в ее сторону, прикусывает нижнюю губу, словно сдерживаясь. Я знаю, о чем она думает.

Мы прожили в Дубовой усадьбе около года, когда нас ограбили. Грабители ничего, собственно, особенного и не забрали – да и забирать-то было нечего, – но они перевернули весь дом вверх дном, оставив после себя следы разгрома. «Неаккуратно поработали», как выразился один полицейский. Прошло несколько недель, прежде чем дом вернулся в нормальное состояние, и несколько месяцев, прежде чем я смогла расслабиться. В нашей жизни не было никаких тайн – тогда еще не было, – но я все равно злилась оттого, что кому-то известно обо мне столь многое, а я ничего не знаю о нем.

То же чувство гнева вспыхивает во мне, когда я смотрю, как Лора листает страницы моего ежедневника. Да, там не указано ничего важного, но вмешательство в мою жизнь кажется невыносимым. «Прекрати, – хочется крикнуть мне. – Прекрати копаться в моих вещах, убирайся прочь из моего дома!»

Вот только это уже не мой дом. Это дом Анны. И она смеется, услышав какие-то слова Лоры, потом грустно улыбается, когда Лора показывает ей что-то, что я не могу разглядеть. Я чувствую себя чужой. Но Анна смеется недолго. Из вежливости. Улыбка не касается ее глаз. Ей не нравится происходящее.

Лора похожа на свою мать. Я училась с Алисией в одном классе и была единственным человеком, которому она рассказала о случившемся. За неделю до своего шестнадцатого дня рождения моя подруга обнаружила, что беременна. Худая как щепка, Алисия не смогла скрывать беременность, живот у нее стал заметен уже на восьмой неделе, и вскоре о ней поползли слухи, мешковатые свитера, которые она начала носить, не смогли обмануть даже мать.

Два года спустя, когда я закончила школу, моя работа ассистенткой едва позволяла мне оплачивать жилье в доме с лифтом и общей прачечной, правда, и на чипсы с вином на выходные что-то оставалось. Алисия в то время жила на пособие в высотке в Бэттерси.

Однажды мы поехали в отпуск вместе, прожили четыре дня в мини-гостинице в Дербишире и спали на двуспальной кровати, уложив между нами Лору.

«Нам стоит снять одну квартиру на двоих, – сказала Алисия в наш последний день отпуска. – Мы бы отлично проводили время».

Разве я могла сказать ей, что я не этого хочу от жизни? Что я всегда тщательно предохранялась, чтобы не забеременеть. Что мне нравится жить одной, нравятся мои друзья и работа? Разве я могла сказать ей, что не хочу жить в сырой квартире и – хотя мне нравилось проводить время с ней и с Лорой – не хочу жить с чужим ребенком?

«Отлично», – согласилась я и сменила тему разговора.

Мне стоило бы больше помогать им.

Анна стоит на коленях на ковре и открывает нижний ящик стола. Его немного заклинивает, и дочь, дернув слишком сильно, валится на спину с ящиком в руках. Я вижу, как Лора поворачивается к ней, чтобы удостовериться, все ли с ней в порядке. Анна смеется от своей неуклюжести, и Лора возвращается к стопке моих ежедневников. Анна уже собирается сунуть ящик обратно в стол, но что-то ее останавливает. Она что-то заметила.

Отставив ящик в сторону, она протягивает руку и ощупывает тумбу. Я замечаю, как она косится на Лору – не смотрит ли та в ее сторону? – и по распахнутым глазам Анны понимаю, что ее пальцы сомкнулись на гладком горлышке бутылки водки.

На ее лице написано разочарование.

Это чувство мне тоже хорошо знакомо.

Она вытаскивает руку и возвращает ящик на место, оставив бутылку в укромном месте. Лоре она ничего не говорит, и мое чувство чуждости исчезает – будто мы с Анной вступили в тайный сговор, о котором она даже не подозревает.

Есть тайны, которые не стоит выносить за пределы семьи.

Есть тайны, которыми и вовсе ни с кем нельзя делиться.

Анна

Я замечаю, что Лора смотрит на часы. Она уже перебрала целую грудку бумаг, сложив половину из них в кучку рядом со шредером. Мне от этого становится не по себе. Все документы, связанные с магазином, мы перевезли туда, но вдруг Лора случайно уничтожит что-нибудь важное? Мне принадлежит доля в этом бизнесе – пусть я и не очень активный предприниматель. Но я просто не могу выбрасывать бумаги, не удостоверившись в том, что они действительно ненужные.

Почувствовав на себе взгляд, Лора поднимает голову.

– Все нормально?

– Я думаю, ты можешь уже идти домой. Марк скоро вернется.

– Я пообещала, что останусь до его прихода. – Она складывает еще один ворох бумаг на горку перед шредером.

– Можешь свалить все на меня. – Я поднимаюсь на ноги и протягиваю Лоре руку.

– Но мы еще не все рассортировали.

– Мы сегодня огромную работу проделали. Почти закончили.

Конечно, это преувеличение. Кучка «вещей, которые стоит оставить» и кучка «того, что нужно выбросить» постепенно слились, и я уже не знаю, оставляю ли я огромный моток ниток из-за того, что я сентиментальна, из-за того, что они могут пригодиться в хозяйстве, или из-за того, что они просто соскользнули из одной кучки в другую.

– Ну и бардак тут царит!

– Ничего, эта проблема решается очень просто. – Я подхватываю на руки Элли, вывожу Лору из комнаты и запираю дверь. – Вуаля!

– Анна! Мы с тобой вроде бы договорились, что это не метод решения проблемы.

«Это ты так думаешь», – проносится у меня в голове, и я тут же чувствую, что поступаю несправедливо. Это я захотела убрать в комнате моих родителей. Это я попросила Лору помочь.

– Я запираю дверь не потому, что эта комната меня расстраивает. Я ее запираю, потому что больше не хочу убирать. Это разные вещи.

Лора, хмурясь, смотрит на меня. Мой бодрый тон ее не убеждает.

– А что ты будешь делать с открыткой?

– Наверное, ты права. Это какой-то больной розыгрыш.

– Точно. – Она все еще не уверена, что ей стоит уходить.

– Со мной все в порядке, клянусь. Я тебе завтра позвоню. – Я подаю ей куртку и терпеливо жду, пока она найдет ключи.

– Ну, раз ты так уверена...

– Уверена.

Мы обнимаемся, и, пока Лора идет к машине, я стою в дверном проеме, придерживая за поводок Риту, норовящую погнаться за невидимыми белками.

Автомобиль Лоры барахлит, зажигание не срабатывает. Она морщится, пробует снова, натужно проворачивая ключ, и наконец выезжает с гравиевой дорожки, помахав мне рукой на прощание.

Когда гул машины затихает вдали, я возвращаюсь в кабинет и осматриваю грудку бумаг, открыток, ручек, скрепок и стикеров. В этой комнате нет ответов, тут

только воспоминания.

Воспоминания, которые я хочу сохранить.

Я снимаю крышку с коробки с фотографиями и просматриваю снимки. Сверху лежит шесть-семь фотографий моей мамы и Алисии, матери Лоры. На одной из них они на залитой солнцем летней площадке пивной, на другой – в кафе, пьют чай со сливками и булочками с вареньем. Третье фото снято чуть под углом, будто фотоаппарат перекосялся. Мама и Алисия лежат на кровати, Лора – между ними. Ей тут года два, а значит, маме и Алисии всего по восемнадцать. Они сами еще дети.

В коробке еще десятки снимков, но – насколько я могу судить – на них только папа, магазин и я в детстве.

У меня много папиных фотографий, а маминых почти нет. Она всегда снимала сама и не любила фотографироваться, как и многие женщины, когда они заводят семью. Им так хочется запечатлеть жизнь своих детей, пока те не выросли, что они забывают фотографироваться сами. Не думают о том, что однажды дети захотят увидеть снимок своей мамы в том возрасте, когда они ее еще не могли запомнить.

После того, как мама исчезла, и до того, как ее тело обнаружили, я отдала полиции единственное ее четкое фото, стоявшее в серебряной рамке у нас на каминной полке в гостиной. Они сразу же объявили маму в розыск, и, когда стало известно о ее смерти, газеты использовали ту же фотографию для иллюстраций своих статей. Полиция вернула мне снимок в рамке, но каждый раз, когда я смотрела на него, я видела заголовки. В итоге фото пришлось убрать.

Кроме свадебной фотографии, на которой мамино лицо едва различимо из-за шляпки с вуалью, бывшей тогда последним писком моды, другие снимки мы в квартире не выставляем. Я откладываю фото мамы и Алисии, чтобы потом вставить в рамку.

Затем я открываю мамин ежедневник за 2016 год. Это толстая книжка формата А4, на каждый день отведено по две страницы: встречи слева и место для заметок справа. Ежедневник нельзя назвать роскошным – это был

корпоративный подарок от одного производителя автомобилей, – но я провожу кончиками пальцев по золоченому логотипу и чувствую вес страниц, когда книга открывается в моих руках. Дневник исписан маминым почерком, и я не могу прочитать слова, пока буквы не прекращают плыть у меня перед глазами. Каждый день расписан. Встречи с поставщиками. Запись на починку копировальной машины, кофеварки, кулера.

Справа – список дел на день, выполненные дела отмечены галочкой. «Хотите, чтобы задача была выполнена, – попросите человека, который и так занят» – верный принцип, правда?

Мама ни за что не смогла бы взять на себя еще больше дел, даже если бы постаралась, но я никогда не слышала, чтобы она жаловалась на излишнюю нагрузку. Когда ее мама – взбалмошная женщина, дарившая окружающим свою любовь и заботу со щедростью военного коменданта, ответственного за выдачу сахара населению, – попала в хоспис, мама каждый день ездила из Истборна в Эссекс и возвращалась только после того, как бабушка засыпала.

Мы с папой узнали об опухоли в маминной груди только после того, как все уже закончилось и мучительный период ожидания результатов биопсии подошел к концу.

«Я не хотела вас беспокоить», – вот и все, что она сказала.

Меня поражает, как маме вперемежку удавалось выполнять задачи, связанные с работой и домом. Запись «Купить билеты на концерт Адель А. к д. р.?» зажата между памяткой позвонить Кэти Клеменс насчет тест-драйва и номером телефона местной радиостанции. Я отираю глаза ладонями. Как жаль, что я не просмотрела мамини и папины вещи раньше. Как жаль, что в свой день рождения я не знала, какой подарок мама собиралась мне подарить.

Я невольно пролистываю страницы ежедневника до записей двадцать первого декабря и читаю, что она планировала в день смерти. У нее были назначены две встречи, дела в списке так и остались неотмеченными. Между последней страницей и обложкой вложены визитные карточки, листовки и бумажки с пометками. Этот ежедневник – словно срез маминной жизни, содержательный, как автобиография, и личный, как дневник. Я кладу фотографии под обложку и

на мгновение прижимаю книгу к груди, а потом раскладываю все по своим местам.

Поправляя бумаги на столе, я замечаю пресс-папье, которое я слепила из глины и раскрасила еще в начальной школе. Когда-то оно стояло на столе в кухне, удерживая стопку школьных документов.

Я провожу кончиком пальца по заполненной суперклеем трещине, разделяющей пресс-папье надвое, и вдруг во мне вспыхивает воспоминание о том, с каким грохотом эта безделушка ударилась о стену.

Были извинения.

И слезы. Мои. Мамины.

«Ну вот, как новенькое», – сказал папа, когда клей высох. Только это было не так, и на стене осталась вмятина, которую папа замазал краской чуть другого оттенка. Я с ним несколько дней не разговаривала.

Я выдвигаю нижний ящик стола и вынимаю бутылку водки. Она пуста. Большинство из них пусты. Я нахожу их повсюду. В глубине шкафа, в бачке туалета, в полотенце где-то в глубине сушилки для белья. Я нахожу их, выливаю содержимое и запихиваю бутылки на самое дно мусорного ведра.

Если бутылки появились в доме еще до моего отъезда в университет, то они были спрятаны куда лучше, чем сейчас. Или я их не замечала. Я вернулась домой, и оказалось, что за время моего отсутствия жизнь здесь изменилась. То ли мои родители больше пили, то ли у меня спала с глаз пелена, застившая их в годы моего детства? После того как я нашла первую бутылку, я, казалось, натыкалась на них сотнями – так бывает, когда выучишь новое слово и потом слышишь его повсюду.

По спине у меня пробегает холодок. «Словно кто-то прошел по моей могиле», так говорила мама. Снаружи темно, но я замечаю какое-то движение в саду. Сердце у меня сжимается, но, присмотревшись, я вижу только собственное бледное лицо, искаженное отражением в старом стекле.

И тут я вздрагиваю от какого-то шороха, доносящегося снаружи. «Анна, соберись!»

Все дело в этой комнате. Она полнится воспоминаниями, и не все они приятны. От этого я на взводе. Мне просто мерещится всякое, вот и все. Призрак за окном, шаги на улице...

Но нет, я действительно слышу чьи-то шаги...

Медленные, осторожные, словно идущий там человек крадется. Негромкий хруст гравия под ногами.

Снаружи кто-то есть!

Свет на втором этаже не горит, как и здесь, кроме настольной лампы в кабинете. Извне кажется, что в доме темно.

Может быть, это грабитель? На нашей улице – элитные дома, с антиквариатом и картинами, купленными для престижа и вложения денег. По мере развития бизнеса родители тратили все больше денег на дорогие вещи, и вся эта роскошь видна в окна на первом этаже. Возможно, вор осматривал дом, пока мы с Эллой ходили в полицейский участок, и решил вернуться с наступлением темноты. Возможно – ком в горле мешает мне дышать – возможно, он уже давно следит за этим домом. Целый день меня преследовало чувство, будто кто-то наблюдает за мной, и теперь я думаю, не подводит ли меня интуиция.

В детстве я знала код сигнализации наизусть еще до того, как выучила номер нашего телефона, но, с тех пор как сюда переехал Марк, все изменилось. Он не привык жить в доме с сигнализацией, и она срабатывала всякий раз, когда он приходил домой. Марк бранился от раздражения, но никак не мог совладать с системой.

«Рита и так отпугнет воров, разве нет?» – говорил он после того, как ему в очередной раз приходилось извиняться перед приехавшими по тревоге сотрудниками охранного агентства. («Да, это опять был ложный вызов».) Я сама стала забывать включать ее, а теперь, когда я целыми днями сижу дома с Эллой, мы и вовсе перестали пользоваться сигнализацией.

Я подумываю о том, чтобы включить ее сейчас, но не представляю себе, как найду ее в темноте, да и при одной мысли о том, чтобы оказаться прямо у входной двери, когда грабитель пытается проникнуть в мой дом, у меня мурашки по всему телу.

Нужно отнести Элли на второй этаж. Я смогу приставить к двери ее комнаты комод. Пусть забирают что хотят. Это не важно. Я обвожу взглядом гостиную, соображая, за чем же явились воры. Телевизор, наверное, их заинтересует, и, очевидно, дорогие вещи – например серебряная чаша для пунша, когда-то принадлежавшая моей прабабушке (теперь в чаше стоит горшок с узамбарской фиалкой). На каминной полке красуются две фарфоровые птички, которых я купила родителям на годовщину свадьбы. Статуэтки недорогие, но выглядят дорого. Может, стоит взять их с собой? И если брать эти статуэтки, то что еще забрать? Так много воспоминаний в этом доме, так много того, чего я не хочу лишиться. Невозможно все спрятать.

Мне сложно понять, откуда именно доносятся шаги. Шорох гравия становится громче, словно вор обошел дом и теперь возвращается с другой стороны. Я подхватываю мобильный, лежащий рядом с радионяней. Видимо, стоит позвонить в полицию. Или соседу?

Я прокручиваю список контактов и нахожу телефон Роберта Дрейка. Мне не хочется ему звонить, но, если подумать, это правильное решение. Он хирург, умеет быстро принимать решения в чрезвычайных ситуациях, и если он сейчас дома, то может выйти и проверить, кто там бродит во дворе. Или хотя бы включить лампу над дверью и отпугнуть злоумышленника...

Но его телефон отключен.

Гравий хрустит все громче, но шум крови у меня в ушах почти заглушает этот звук. Затем я слышу какой-то скрежет. Что это? Приставная лестница?

Сбоку от дома, между гравиевой дорожкой и садом, проходит узкая полоска земли с сараем для дров. Снаружи раздается глухой стук. Дверь сарая? Сердце выскакивает у меня из груди. Я думаю об анонимной открытке, о том, как я отнесла ее в полицию. Неужели я зря так поступила? Неужели эта открытка должна была послужить мне предупреждением – мол, то, что случилось с мамой, может произойти и со мной?

Может, это вовсе и не вор там, снаружи...

Может, тот, кто убил мою мать, теперь собирается убить и меня тоже.

Глава 11

Мюррей

Том Джонсон отсутствовал пятнадцать часов, когда его жена, Кэролайн Джонсон (на тот момент ей исполнилось сорок восемь лет, она была на десять лет младше супруга) позвонила в полицию. Она не видела Тома с тех пор, как у них случилась, по ее словам, «глупая размолвка», когда они пришли с работы вечером предыдущего дня.

«Он сказал, что пойдет в паб, – гласили ее свидетельские показания. – Когда он не вернулся домой, я подумала, что он остался переночевать у брата, чтобы проспаться». Их дочь Анна, проживавшая вместе с ними, как раз уехала на конференцию в Лондон по делам детской благотворительности (она работала на эту благотворительную организацию с тех пор, как закончила университет).

На следующий день Том Джонсон не пришел на работу.

Мюррей поднял свидетельские показания Билли Джонсона, брата и делового партнера Тома. Билли отсутствие Тома не встревожило:

«Я думал, у него похмелье. Он совладелец этого магазина. И что я должен был делать? Уволить его за прогул?» Даже в записи чувствовалось, что Билли Джонсон оправдывается, но это была естественная реакция для многих людей в подобной ситуации – так они ослабляли чувство вины оттого, что не подняли тревогу в нужный момент.

Заявление о пропавшем без вести было принято дежурным констеблем и классифицировано как дело с низким уровнем риска. Маккензи взглянул на фамилию полицейского, но так и не вспомнил, кто это. Никакие данные на этом этапе не позволяли предположить, что Тому Джонсону угрожает опасность, но это не отменяло вопросов, которые неизбежно возникли, когда было обнаружено тело.

Несомненно, тот полицейский не раз усомнился в правильности принятого решения. Изменила бы что-либо классификация дела Тома Джонсона как приоритетного? Выяснить это уже не представлялось возможным. Но изначально ничто в исчезновении Тома не вызывало опасений. Он был успешным бизнесменом, хорошо известным в городе. Семейным человеком без признаков депрессии.

Первая эсэмэска пришла в половине десятого утра:

«Мне очень жаль».

По иронии судьбы, это успокоило Кэролайн Джонсон.

«Я думала, что он просит прощения за свое поведение во время нашей ссоры, – сказала она во время дачи показаний. – Он накричал на меня, сказал много такого, что меня огорчило. У него был буйный нрав, но после ссор он всегда приносил свои извинения. Получив эту эсэмэску, я решила, что с ним, по крайней мере, все в порядке».

«У него был буйный нрав».

Мюррей подчеркнул эти слова. Насколько буйный? Мог ли он поскандальить с кем-нибудь в пабе тем вечером? Ввязаться в драку? Опрос барменов в пабах, куда Том обычно заходил, ничего не принес. Где бы он ни решил залить свое горе выпивкой, речь шла не о местном пабе.

Запрос следствия на установление местонахождения телефона Тома был отклонен, поскольку на том этапе расследования не было никаких признаков угрозы жизни. Маккензи поморщился при мысли о старшем офицере, принявшем

это решение. Ситуация резко изменилась после того, как Кэролайн получила от мужа второе сообщение.

«Мне кажется, он собирается покончить с собой...»

Мюррей прослушал запись звонка Кэролайн Джонсон в службу спасения. Он закрыл глаза, чувствуя, как ее тревога эхом отдается в нем, словно его собственная. Услышал, как она читает сообщение мужа, отметил спокойный голос оператора службы, попросившего Кэролайн продиктовать номер телефона Тома и не удалять сообщение.

«Я так больше не могу. Мир будет лучше без меня».

Как он больше не мог?

Подобные высказывания сгоряча может произнести любой. Это может ничего не значить. Или значить все.

«Я так больше не могу».

Оставаться в браке? Изменять жене? Лгать?

Что такого натворил Том Джонсон, что привело к столь тяжкому грузу вины?

Других эсэмэсок не было. Мобильный Тома Джонсона не отвечал. Методом триангуляции[4 - Один из методов радиопеленгации.] удалось обнаружить, что он находится рядом с Бичи-Хед. При помощи программы автоматического распознавания номеров полиции удалось по записям камер слежения установить, что автомобиль, который Том Джонсон взял в своем магазине, ехал в том же направлении. Туда направили поисковую группу. И хотя Маккензи знал, чем все закончится, его сердце забило чаще, когда он читал отчет и представлял себе, что чувствовали полицейские, проигрывавшие эту гонку со смертью.

Затем в полицию поступил звонок свидетельницы – Дайан Brent-Тейлор, сообщившей, что она заметила мужчину, складывавшего в рюкзак камни. Такое занятие показалось ей странным, ведь вид у мужчины был представительный, и потому она остановилась посмотреть, что происходит. С ужасом она увидела, как мужчина подошел к краю скалы, выложил из кармана бумажник и телефон – и сделал шаг в бездну. Мюррей перечитал запись ее звонка: «Сейчас прилив. Внизу ничего нет. Я его не вижу».

Береговая охрана прибыла на место через пару минут, но было уже поздно. Тело Тома Джонсона так и не нашли.

Маккензи глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Он не мог понять, каким образом Ральфу Меткалфу, судмедэксперту, удавалось справляться с подобными делами каждый день. Может, к такому привыкаешь? Или Ральф каждый день приходил домой и топил свои заботы в бутылке, чтобы притупить эмоции?

Полиция прочесала участок вокруг места, откуда Том, по показаниям миссис Brent-Тейлор, сбросился со скалы. Констебли обнаружили его бумажник и телефон, на экране которого все еще высвечивались полные отчаяния сообщения от его жены:

«Ты где?»

«Не делай этого».

«Ты нужен нам...»

Полиция сообщила новости Кэролайн Джонсон, приехав к ней по домашнему адресу, где женщина ждала в окружении близких. На ксерокопии записок из записной книжки констебля Вудварда Мюррей прочел список имен, род деятельности и контактные данные друзей и родных, собравшихся поддержать Кэролайн:

«Уильям (Билли) Джонсон. Директор магазина “Машины Джонсонов”, брат мужа.

Роберт Дрейк, старший хирург Королевской больницы графства Сассекс, сосед.

Лора Барнс, администратор в салоне “Букет ноготков”, крестница».

Были там и данные Анны Джонсон – «региональный координатор благотворительной организации “Спасем детей”, дочь», но они были записаны на другой странице, а значит, Анна приехала уже после того, как констебль Вудворт составил список всех присутствующих.

В течение нескольких дней после смерти Тома Джонсона сотрудники Департамента уголовного розыска проводили расследование, собирая в том числе и необходимые судмедэксперту данные. Техотдел проверил смартфон Тома и обнаружил запросы в поисковике, заданные утром восемнадцатого мая: «Бичи-Хед самоубийство» и «Бичи-Хед время прилива». Маккензи отметил, что время наивысшей точки прилива настало в 10:04, а звонок от Дайан Brent-Тейлор поступил в 10:05. В этот момент глубина воды составляла около шести метров. Тело, утяжеленное камнями, должно было быстро пойти ко дну, и подводным течением его наверняка оттащило от границы прилива. Сейчас, даже если тело будет найдено, что от него там осталось спустя девятнадцать месяцев? Есть ли вообще хоть какой-то способ выяснить, был ли Том Джонсон один на краю скалы тем утром?

Свидетельница, Дайан Brent-Тейлор, заявила, что никого не видела с Томом, но при этом отказалась официально давать показания и даже явиться к следователю. После нескольких телефонных разговоров, во время которых Дайан отказывалась озвучить причину своего отказа, полиции удалось узнать, что она находилась на Бичи-Хед в компании женатого мужчины, изменявшего с ней своей жене. Любовники желали сохранить свою связь в тайне, и, хотя полиция приложила все усилия, чтобы уговорить Дайан дать показания, ничто не могло заставить ее поставить свою подпись под документом.

Мюррей законспектировал все случившееся в своей записной книжке. Расследование смерти Тома Джонсона длилось две недели, после чего дело было закрыто и сотрудники департамента получили другие назначения. Правда, до вынесения решения суда прошло еще несколько месяцев, поскольку требовалось еще получить разрешение на рассмотрение дела при отсутствии тела, но само расследование было завершено.

Самоубийство. Трагическое, но ничего подозрительного. Вот и все.

Но так ли это на самом деле?

В коробке с уликами находилось несколько дисков с записями камер слежения – эти копии попали в полицию еще до трагических событий. И похоже, что после них все эти видеофайлы общей протяженностью в несколько часов уже не просматривали. Может ли на этих дисках храниться доказательство преступления, столь хорошо скрытого, что оно и преступлением-то признано не было?

Полиция обыскала новенькую «ауди», которую Том взял в «Машинах Джонсона» в день своего исчезновения, но, поскольку все указывало на самоубийство, а не на убийство, деньги на проведение криминалистической экспертизы так и не выделили. Однако, как и записи, улики из машины были собраны, и Мюррей задумался, не стоит ли ему передать на анализ мазки и волоски, собранные в «ауди»?

Но что это докажет? У него не было подозреваемого, с образцами которого можно было бы сравнить эти улики, к тому же машина выставлялась в демонстрационном зале – кто знает, сколько тест-драйвов она уже прошла?

А главное – как Маккензи оформит запрос на проведение анализа, если ему вообще не положено заниматься этим делом? На данный момент ничто не свидетельствовало о том, что решение судмедэксперта по поводу самоубийства Тома Джонсона могло быть ошибочным.

Может, материалы дела Кэролайн Джонсон окажутся более интересными?

Полиция оперативно отреагировала на звонок Анны Джонсон в службу спасения. Адрес этой семьи уже значился в полицейской базе данных, и на этот раз не было никаких сомнений в том, что дело об исчезновении Кэролайн Джонсон должно рассматриваться как приоритетное.

«Смерть моего отца сильно потрясла ее, – свидетельствовала Анна Джонсон. – Я перешла на работу из дома, чтобы присматривать за ней, потому что я всерьез была обеспокоена ее состоянием. Она отказывалась есть, вздрагивала каждый раз, когда звонил телефон, а порой целыми днями не поднималась с кровати».

Пока что все кажется нормальным, раздумывал Мюррей. Все по-разному реагируют на смерть близких, а в случае с самоубийством муки утраты становятся особенно невыносимыми, вина, пусть и невольная, тяжким грузом ложится на душу.

Двадцать первого декабря Кэролайн Джонсон сказала дочери, что пойдет прогуляться.

«Она весь день казалась рассеянной, – говорила Анна. – Я замечала, что она неотрывно смотрит на меня, и дважды сказала мне, что любит меня. Она вела себя странно, но я связала это с ее переживаниями по поводу нашего первого Рождества без папы».

Кэролайн отправилась якобы в магазин за молоком.

«Она села в машину. Я сразу должна была понять, что что-то не так: мы всегда покупаем молоко в супермаркете на углу, туда быстрее дойти пешком, чем доехать. Как только я заметила, что автомобиль исчез, я поняла: случится что-то ужасное».

Звонок в полицию поступил в три часа дня. Дежурный, знавший историю этой семьи и уже достаточно сталкивавшийся с проблемами на Бичи-Хед, чтобы позволить себе проявлять оптимизм в этом вопросе, сразу позвонил священнику. Дело в том, что уже много лет существовала христианская благотворительная организация «Капелланство Бичи-Хед», пытавшаяся снизить ежегодный уровень самоубийств на мысе. Добровольцы из числа священников и прихожан местных церквей отговаривали потенциальных самоубийц, проводили патрулирование этой области и при необходимости собирали поисковые группы. Священник сообщил, что действительно видел на Бичи-Хед подходящую под описание женщину, но полицейскому не о чем беспокоиться: она не наложила на себя руки.

Маккензи отложил показания Анны Джонсон и нашел запись, сделанную дежурным, констеблем Греем (номер значка 956):

«Священник заявляет, что долго разговаривал со стоявшей на краю скалы белой пятидесятилетней женщиной. Женщина находилась в подавленном

эмоциональном состоянии и имела при себе рюкзак, наполненный камнями. По ее словам, ее зовут Кэролайн и недавно она потеряла супруга, покончившего с собой».

Священник уговорил Кэролайн отойти от края скалы.

«Я дождался, пока она вытащит камни из рюкзака, – значилось в его показаниях. – Мы прошлись до парковки. Я сказал ей, что Бог всегда готов прислушаться к ней. Простить ее. И что нет ничего настолько плохого, что Бог не мог бы помочь нам пережить».

Мюррей восхищался людьми, чья вера дарила им такой невероятный покой. Он жалел, что не испытывает подобной глубины веры, когда ходит в церковь, но полагал, что в мире слишком много ужасного, чтобы принять все это как часть божьего замысла.

Пошатнулась ли вера священника из-за того, что случилось потом? Молился ли он, чтобы Господь помог ему примириться с этим?

Кэролайн объявили в розыск, на Бичи-Хед отправили дополнительные патрули. Служба береговой охраны провела совместную операцию с полицией и «Капелланством». Как часто и происходило в подобных ситуациях, добровольцы и сотрудники госслужб встали плечом к плечу: разные организации, разная подготовка, но цель – одна. Найти Кэролайн Джонсон живой.

Удалось установить, что телефон Кэролайн находится на Бичи-Хед, и вечером, около пяти часов, прохожий, гулявший с собакой, нашел ее сумочку и мобильный на краю скалы. Время наивысшей точки прилива в тот день настало в 16:33.

«БМВ», стоявший на парковке Бичи-Хед с ключом в замке зажигания, быстро отследил до «Машин Джонсонов», где Билли Джонсон подтвердил, что описание, данное священником, подходит к его невестке, Кэролайн Джонсон, совладелице «Машин Джонсонов» и недавней вдове брата Билли, Тома Джонсона.

За исключением предсмертного сообщения – Кэролайн его не отправляла – самоубийство полностью копировало суицид Тома Джонсона семь месяцев

назад. Как чувствовала себя Анна, открывая дверь еще одному полицейскому, обнажившему голову? Как она сидела за столом с теми же друзьями и близкими? Еще одно расследование, еще одни похороны, еще один суд...

Вздыхнув, Маккензи отложил материалы дела. Сколько раз Сара пыталась покончить с собой?

Слишком много, не сосчитать.

Впервые это произошло через несколько недель после того, как они начали встречаться. Тогда Мюррей пошел играть в сквош с коллегой вместо свидания с Сарой. Вернувшись домой, он обнаружил на автоответчике семь сообщений, и в каждом следующем звучало все больше отчаяния.

В тот раз Маккензи запаниковал. И в следующий. Иногда между попытками проходили месяцы, иногда Сара пыталась наложить на себя руки по несколько раз в день. А после ей приходилось ложиться на лечение в Хайфилд.

Постепенно Мюррей понял, что в таких ситуациях должен сохранять спокойствие – для Сары. Быть рядом. Не осуждать ее, не паниковать. Он приходил домой, обнимал ее, и, если госпитализация не требовалась – а обычно она не требовалась, – Маккензи нежно мыл ее руки и осторожно бинтовал запястья, уверяя жену, что никуда не исчезнет. И только когда Сара уже лежала в кровати и морщинки на ее лбу разглаживались в безмятежном сне, Мюррей ронял голову в ладони и плакал.

Он отер лицо. «Сосредоточься!» Эта работа должна была помочь ему скоротать время. Отвлечь от мыслей о Саре, а не наводить на воспоминания, которые Маккензи предпочел бы и вовсе позабыть.

Страницы блокнота испещрял его аккуратный почерк. Мюррей просмотрел записи, но ничто не показалось ему странным. Так почему же кто-то сомневается в причинах смерти Кэролайн? Поднимает бучу? Огорчает Анну?

«Самоубийство? Едва ли».

Что-то произошло в тот день, что-то, не попавшее в материалы дела. Что-то, что не заметили следователи. Такое бывало. Нечасто, но бывало. Небрежные следователи – или просто перегруженные. Другие дела были у них в приоритете, и они отбрасывали все, что не укладывалось в общую картину, когда, возможно, надо было просто задать больше вопросов. Найти больше ответов.

Маккензи взялся за последние бумаги в папке – прочие документы, не подшитые к другим отчетам. Фотография Кэролайн Джонсон, копия списка контактов из ее телефона, копия полиса страхования жизни Тома Джонсона...

Мюррей уставился на последний документ. И не поверил своим глазам.

Том Джонсон был застрахован на огромную сумму.

Маккензи не видел дома Анны, но знал ее улицу – тихую, в престижном районе, с собственным парком. Недвижимость в этом квартале была недешевой. Мюррей предполагал, что дом находился в совместном владении супругов и впоследствии перешел к их дочери. Как и выплаты по страховому полису Тома, вероятно. Не стоило забывать и о семейном бизнесе Джонсонов, в котором Анна теперь стала совладелицей.

В общем, как ни крути, Анна Джонсон была необычайно богата.

Глава 12

Анна

Я судорожно тычу пальцами в телефон, нахожу исходящие звонки и набираю номер Марка, на цыпочках поднимаясь по лестнице. Элла у меня на руках, и я мысленно умоляю ее не издавать ни звука.

А потом происходят три события.

Хруст гравия сменяется шагами на крыльце.

Гудок в трубке эхом отзывается за дверью дома.

И входная дверь открывается.

Когда Марк входит в коридор, держа в руке звонящий телефон, я стою у лестницы, широко распахнув глаза от адреналина, курсирующего в моих венах.

– Звонили, миледи? – Ухмыляясь, он сбрасывает звонок.

Я медленно опускаю мобильный. Сердце все еще бешено бьется, отказываясь признать, что опасность миновала. Я неловко смеюсь, и от облечения у меня кружится голова, как кружилась от страха всего минуту назад.

– Я слышала, как кто-то ходит вокруг дома, и подумала, что он собирается пробраться внутрь.

– Так и было.

Марк подходит поцеловать меня, обнимает Элли, чмокает ее в макушку и забирает у меня из рук.

– Ты подкрадывался к двери! Почему ты сразу не вошел? – Мое раздражение неоправданно, это просто паника медленно отступает, адреналин растворяется в крови.

Склонив голову к плечу, Марк терпеливо всматривается в мое лицо, словно не обращая внимания на мою грубость.

– Я выносил мусор. Завтра приедет мусоровоз. – Он обращается к Элле, сюсюкая: – Правда, маленькая? Правда? Ну конечно!

Я жмурюсь. Тот звук, напомнивший мне скрежет приставной лестницы... это закрипела крышка мусорного бака. Столь знакомый звук, я должна была сразу догадаться. Я иду за Марком в гостиную, где он включает свет и укладывает Элли в ее коляску с погремушками.

- Где Лора?

- Я отослала ее домой.

- Но она сказала, что останется! Я бы пришел раньше...

- Мне не нужна нянька. Со мной все в порядке.

- Да ну? - Он сжимает мои ладони и разводит руки в стороны, словно осматривая меня.

- Да. Нет. Не совсем, - признаюсь наконец.

- И где эта открытка?

- Я отнесла ее в полицию.

Я показываю ему снимки, как до этого Лоре, и наблюдаю, как он присматривается к надписи, увеличивая изображение.

- «Самоубийство? Едва ли».

- Вот видишь? Мою мать убили.

- Но тут написано не так.

- Но именно на это и намекает отправивший ее, верно?

Марк задумчиво смотрит на меня.

- А еще можно предположить, что речь идет о несчастном случае, ты не находишь?

- Несчастном случае? - недоумеваю я. - Тогда почему так и не написать? Зачем этот злой сарказм? Зачем эта безвкусная картинка?

Вздыхнув (я надеюсь, что он устал не от меня, а от долгого дня, проведенного в душном помещении), Марк садится на диван.

– Может, кто-то пытается указать на виновного. Мол, всему виной преступная халатность, а вовсе не решение твоей матери. Кто отвечает за поддержание порядка на Бичи-Хед?

Я молчу.

– Вот видишь, что я имею в виду, – уже мягче продолжает Марк. – Это неоднозначное послание.

– Возможно. Но мама оставила сумочку и телефон на краю скалы, что было бы странно, если бы она случайно упала...

– Разве что она положила их туда заранее. Не уронила, а именно положила. Хотела заглянуть за край скалы или пыталась спасти запутавшуюся птицу, а край обвалился, и...

Я падаю на диван рядом с Марком.

– Ты действительно думаешь, что это был несчастный случай?

Он поворачивается ко мне, так что теперь мы сидим лицом к лицу.

– Нет, родная, – нежно, не сводя с меня взгляда, говорит он. – Я думаю, что твоя мама была очень несчастлива после смерти твоего отца. Я думаю, она чувствовала себя куда хуже, чем кто-либо мог предположить. И... – Он делает паузу, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. – И я думаю, что она покончила с собой.

Он не говорит ничего нового, но сердце у меня обрывается, и я понимаю, как сильно я хотела, чтобы его альтернативная версия событий оказалась истинной. И как я готова ухватиться за соломинку, которой на самом деле нет и не было.

– Я лишь говорю, что все можно интерпретировать по – разному. Включая эту открытку. – Он откладывает телефон на кофейный столик, и экран меркнет. – Тот, кто прислал тебе это, хочет заморочить тебе голову. Он просто псих. И он хочет, чтобы ты отреагировала. Не позволяй ему заставить тебя реагировать.

– Тот человек в полицейском участке положил открытку в пакет для улики. Сказал, что проверит ее на отпечатки. – Полиция восприняла это всерьез, вот что я пытаюсь сказать.

– Ты говорила с детективом?

– Нет, с человеком, который работает в приемной. Он был детективом-инспектором большую часть своей жизни, а затем вышел на пенсию и вернулся в полицию гражданским.

– Вот это верность делу!

– Скажи? Представь, каково это: настолько любить свою работу, что ты не хочешь уходить. Даже на пенсии.

– Или ты настолько укоренен в госструктуре, что даже представить себе не можешь, как будешь заниматься чем-то другим. – Марк зевает, не успевая прикрыть рот ладонью. Спереди его зубы идеально ровные, жемчужно-белые, но под таким углом я вижу пломбы в его верхних зубах.

– Хм. Я не думала об этом в таком ключе. – Я вспоминаю Мюррея Маккензи, его внимание и заботу, его вдумчивые замечания, и понимаю, что рада его присутствию в полиции, какими бы ни были его причины оставаться там. – Во всяком случае, он был очень мил.

– Отлично. А пока лучшее, что ты можешь сделать, – выбросить все это из головы.

Он устраивается в уголке дивана, вытянув ноги, и поднимает руку, приглашая меня. Я укладываюсь в привычной позе: его левая рука – на моем плече, его подбородок – у меня на макушке. От него пахнет холодом и еще чем-то непривычным...

- Ты курил?

Мне любопытно, вот и все, но я и сама слышу осуждение в собственных словах.

- Пара затяжек после семинара. Прости, чувствуется запах?

- Не особо, просто... я не знала, что ты куришь.

Представьте себе - как можно не знать, что твой партнер курит? Но я никогда не видела Марка с сигаретой. Даже не слышала, чтобы он упоминал что-то подобное.

- Я бросил много лет назад. Гипнотерапия. Собственно, после этого и заинтересовался психологией. Я тебе не рассказывал эту историю? В общем, каждые пару месяцев я закуриваю сигарету, делаю пару затяжек и тушу ее. Это напоминает мне, что я контролирую ситуацию. - Марк улыбается. - В этом есть своя логика, клянусь. И не волнуйся - я ни за что не стал бы курить при Элле.

Я прижимаюсь к нему и говорю себе, как здорово, что мы до сих пор узнаем друг о друге что-то новое - что у нас общего, в чем мы отличаемся, - но сейчас тайнам нет места в моей жизни. Хотела бы я, чтобы мы с Марком знали друг о друге все. Чтобы мы любили друг друга с самого детства. Хотела бы я, чтобы Марк знал меня до смерти мамы и папы. Тогда я была совсем другим человеком. Любопытной. Веселой. Компанейской. Марк не знаком с той Анной. Он знает скорбящую Анну, беременную Анну, ставшую матерью Анну. Иногда, в присутствии Лоры или Билли, я вспоминаю те времена, когда мама с папой были еще живы, и при этих воспоминаниях я, бывает, чувствую себя как прежде. Но такое случается очень редко.

- Как твой семинар? - Я решаю сменить тему.

- А, - досадует он, - много ролевых игр.

По голосу я слышу, что он морщится. Марк ненавидит ролевые игры.

- Ты пришел чуть позже, чем я думала.

– Заскочил в квартиру. Не нравится мне, что она стоит пустая.

Когда мы с Марком познакомились, он жил в Патни, в квартире на восьмом этаже, где принимал пациентов, и только раз в неделю проводил сеансы в клинике в Брайтоне – той самой, которая распространяла рекламные листовки в Истборне как раз тогда, когда мне больше всего нужна была психотерапия.

Я рассказала Лоре о беременности еще до того, как сообщила эти новости Марку.

– Что же мне делать?

– Рожать, видимо, – улыбнулась Лора. – Разве не так обычно происходит?

Мы сидели в кафе в Брайтоне, напротив маникюрного салона, где Лора раньше работала. На тот момент она устроилась в службу техподдержки интернет-магазина, но я видела, как она поглядывает на девчонок в салоне, и думала, не скучает ли она по веселому щебетанию маникюрш.

– Я не могу, это невозможно, – чуть не плакала я.

Все это казалось мне каким-то нереальным. Я не чувствовала себя беременной. Если бы не с полдесятка тестов, которые я сделала, и задержки, я могла бы поклясться, что все это – просто дурной сон.

– Ну, есть другие варианты, – тихо произнесла Лора, хотя никто нас не слушал.

Я покачала головой: две жизни – и так слишком большая потеря.

– Ну что ж, – она поднимает чашку с кофе как бокал. – Поздравляю, мамочка.

Я сказала Марку за ужином тем же вечером. Дождавшись, пока за столиками вокруг будут сидеть люди: я чувствовала себя безопаснее под защитой этих незнакомцев.

– Мне очень жаль, – сказала я, изложив свои ошеломляющие новости.

– Жаль? – На его лице промелькнуло недоумение. – Это же потрясающе! В смысле... правда?

Он пытался быть серьезным, но его губы невольно растягивались в улыбке. Марк обвел ресторан взглядом, точно ожидая, что все сидящие вокруг разразятся бурными аплодисментами.

– Я... я не была уверена.

Но, опустив ладонь на свой все еще плоский живот, подумала, что после всех ужасов минувшего года наконец-то случилось что-то хорошее. Что-то чудесное.

– Ладно, – согласился Марк, – может, все это произошло несколько быстрее, чем мы ожидали...

– Самую малость.

Я могла сосчитать недели, что мы встречались, на пальцах одной руки.

– Но мы ведь хотели этого.

Он так ждал моего согласия, что я энергично кивнула.

Так и было. Мы даже говорили об этом, сами удивляясь собственной откровенности. Когда мы познакомились, Марку уже исполнилось тридцать девять лет, он страдал после разрыва долгосрочных отношений, которые считал вечными. И уже готов был смириться с тем, что никогда не обретет семью, о которой мечтал. Мне было всего двадцать пять, но я уже знала, насколько коротка жизнь. И вот смерть моих родителей свела нас вместе, а ребенок станет тем, что вместе нас удержит.

Постепенно Марк свернул свою лондонскую частную практику, начал работать всю неделю в Брайтоне, перебрался ко мне и сдал квартиру в Патни. Это казалось идеальным решением. Арендная плата покрывала выплаты по ипотеке, плюс еще что-то оставалось, и жильцы готовы были сами чинить любые поломки.

По крайней мере, так мы предполагали, пока нам не позвонили из санитарной службы и сообщили, что сосед сверху жалуется на странный запах. К тому времени как мы добрались туда, жильцы съехали, прихватив залог и месячную аренду и оставив квартиру в состоянии полной разрухи, из-за чего ее нельзя было сразу сдать. Марк постепенно приводил жилье в порядок.

– Как там в Патни?

– Плохо. Я нанял бригаду для косметического ремонта, но они заняты на другом проекте и смогут приступить только в середине января, то есть залог от новых жильцов мы в лучшем случае получим только в феврале.

– Это не важно.

– Нет, важно.

Мы помолчали, чтобы избежать ссоры. На самом деле нам не нужны выплаты за его квартиру. Не сейчас. «Кое-какие деньжата у нас еще завалялись», как говаривал мой дедушка.

Я бы отдала любые деньги, только бы провести еще один день с родителями, но факт остается фактом: после их смерти я унаследовала крупное состояние. Благодаря дедушке Джонсону дом никогда не был в ипотеке, а папины сбережения и выплаты по страховым полисам моих родителей привели к тому, что сейчас у меня на счету чуть больше миллиона фунтов стерлингов.

– Я продам квартиру, – вдруг заявляет он.

– Почему? Нам не повезло, вот и все. Нужно сменить агентство, выбрать то, где тщательно проверяют рекомендации квартирантов.

– Может, нам оба жилья стоит продать?

На мгновение я даже не могу понять, что он имеет в виду. Продать Дубовую усадьбу?

– Это большой дом, да и сад трудно поддерживать в порядке, учитывая, что мы оба не знаем, как это делать.

– Можем нанять садовника, – предлагаю.

– Платановая усадьба вышла на рынок с изначальной стоимостью в восемь с половиной миллионов фунтов, а в ней всего четыре комнаты.

Он говорит серьезно.

– Я не хочу переезжать, Марк.

– Мы могли бы купить какую-нибудь общую собственность. Что-то, что принадлежало бы нам обоим.

– Но Дубовая усадьба и так принадлежит нам обоим.

Марк не отвечает, но я знаю, что он со мной не согласен. Он окончательно переехал ко мне в конце июня, когда я уже была на четвертом месяце беременности, и оказалось, что Марк несколько недель не ночевал в своей квартире.

«Чувствуй себя как дома», – радостно сказала я, но сами эти слова словно подчеркнули тот факт, что домом владею я.

Прошли дни, прежде чем Марк прекратил спрашивать у меня, можно ли ему заварить чай, и недели, прежде чем он перестал сидеть на диване, не поджимая ноги, как и полагается гостю.

Хотела бы я, чтобы он любил этот дом так же, как и я. Если не принимать во внимание три года, проведенных в университете, я прожила тут всю свою жизнь. Да, вся моя жизнь прошла в этих стенах.

– Просто подумай об этом, – мягко предлагает он.

Я знаю, Марк считает, что здесь слишком много призраков. Что спать в родительской спальне для меня нелегко. Может, это и для него нелегко...

– Ладно, – соглашаюсь я.

Но я имею в виду «нет». Я не хочу переезжать. Дубовая усадьба – это все, что у меня осталось от родителей.

Элла просыпается ровно в шесть. Когда-то это время казалось мне невероятно ранним, но после недель ночных бдений и постоянного подъема в пять пробуждение в шесть утра кажется поздним началом дня. Марк заваривает чай, а я укладываю Эллу в кровати с нами, и мы валяемся еще часик, прежде чем Марк идет в душ, а мы с Эллой спускаемся завтракать.

Полчаса спустя Марк все еще плещется в душе – я слышу гул в трубах и ритмичный перестук, эдакое музыкальное сопровождение любого включения воды в нашей ванной. Элла уже одета, а я вот еще в пижаме, танцую на кухне, стараясь насмешить малышку.

Шорох гравия во дворе напоминает мне о вчерашнем вечере. Утренний свет льется в окно, и мне стыдно за то, как я вчера себя накрутила. Хорошо, что телефон Роберта был отключен и единственным свидетелем моей паранойи оказался Марк. В следующий раз, когда я останусь одна вечером, я включу громкую музыку, зажгу везде свет и буду ходить по дому, хлопая дверьми. И не стану закрываться в одной комнате, разыгрывая никому не нужную драму.

Я слышу металлический щелчок почтовой щели, мягкий шорох писем, падающих на коврик у входа, а затем тихий стук – почтальон что-то оставил на крыльце.

Когда Элле было пять недель и малышку мучили колики, почтальон принес заказанный Марком учебник. У меня ушел целый час на то, чтобы укачать ее, и, когда Элла наконец-то заснула, почтальон громко постучал в дверь, да с такой силой, что даже лампочка в коридоре закачалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Лимб (лат. limbus – рубеж, край) – в католицизме место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее с адом или чистилищем. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

2

Save the Children (англ.) – международная благотворительная организация, занимающаяся защитой прав детей по всему миру. (Примеч. пер.)

3

Стекло, выглядящее как зеркало с одной стороны и как затемненное стекло – с другой.

4

Один из методов радиопеленгации.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makintosh_kler/pozvol-mne-solgat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)